ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 8 (3037) Суббота, 17 января 1953 г. Цена 40 коп.

Бдительность!

О личной ответственности каждого за государственные интересы Советского Союза, о зоркой бдительности заставляет думать нас каждый день нашей жизни.

Мы, граждане Советской страны, обладаем поучительным опытом борьбы нашего государственного строя с его заклятыми, смертельными врагами.

Шпионы и убийцы, диверсанты и вредители — кого только не засылал к нам враждебный мир капитала! Изверги человечества не раз тщетно пытались остановить ход истории. Но под сокрушающими ударами народного гнева падали враги советской власти, оставляя множество примеров беспредельного цинизма, самого изощренного коварства, самой грязной подлости.

С каждым годом растет могущество нашего советского общества — умножаются его производительные силы, крепнет его культурная, его нравственная мощь. Беспримерная победа советского народа в Великой Отечественной войне еще выше подняла авторитет нашей страны среди всех народов мира.

С этим не могут мириться заправилы капиталистического лагеря. Вот почему глубоко порочна и вредна мысль о том, что вследствие наших великих успехов империалисты могут отказаться от своих попыток вести подрывную деятельность против СССР.

Нет, не к затуханию борьбы ведут наши успехи, а, наоборот, — к ее обострению. Чем успешнее будет продвигаться наша страна вперед по пути к коммунизму, тем острее будет борьба доведенных до отчаяния, обреченных на гибель врагов народа. Думать о затухании борьбы могут только правые оппортунисты, люди, стоящие на антимарксистской точке зрения.

Эксплуататорские классы в нашей стране давно разбиты и ликвидированы. В советском обществе нет и не может быть классовой базы для господства буржуазной идеологии. Все это верно. Но значит ли это, что мы можем позволить себе быть менее зоркими, ослабить нашу бдительность? Нет, тысячу раз нет! У нас еще сохранились пережитки буржуазной идеологии, буржуазной морали. Эти пережитки не отмирают сами собою. Они живучи! Мы не застрахованы от проникновения к нам чуждых взглядов, идей, настроений как извне, со стороны капиталистических государств, так и изнутри, со стороны недобитых остатков враждебных советской власти групп. Сохранились еще у нас носители буржуазных взглядов и буржуазной морали — живые люди, скрытые враги нашего народа. Поддерживаемые империалистическим миром, эти скрытые враги будут вредить и впредь, если мы не удесятерим нашей зоркости и бдительности, если мы не вытравим беспощадно ротозейство и благодушие, порожденные у ряда наших работников увлечением успехами. Товарищ Сталин учит: «...как ни велики наши успехи, мы попрежнему должны трезво оценивать силы врага, быть бдительными, не допускать в своих рядах зазнайства, самоуспокоенности, беспечности».

Сурово прозвучали на днях слова о бдительности в передовой статье «Правды» — «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Гневный упрек содержится в этой статье некоторым нашим советским органам и их руководителям, которые потеряли бдительность, заразились ротозейством. Статья заканчивается мыслью, глубоко западающей в сердце каждого советского человека. Подчеркивая неизбежность возмездия врагам за их преступления, «Правда» пишет: «Все это верно, конечно. Но верно и то, что, кроме этих врагов, есть еще у нас один враг — ротозейство наших людей. Можно не сомневаться, что пока есть у нас ротозейство, — будет и вредительство. Следовательно: чтобы ликвидировать вредительство, нужно покончить с ротозейством в наших рядах».

Лихорадочно вербует себе агентуру американский империализм. Чем труднее становится обреченному историей звероподобному буржуазному строю обманывать и ослеплять миллионы честных людей во всем мире, тем активнее прибегает он к услугам предателей, отщепенцев, гнусных бродяг без роду, без племени, жадными, дрожащими руками пересчитывающих и прячущих в бумажник американские кредитки — «зарплату» за вредительство и злодейство.

Мы, советские люди, научены партией извлекать уроки из истории и делать выводы для себя. Мы знаем, что враги хотели бы поставить нас перед лицом всякого рода неожиданностей. Мы знаем также: нас может гарантировать от этих неожиданностей только всенародная высокая бдительность. Самое миролюбивое в мире Советское государство должно быть начеку и зорко следить за происками международной реакции, готовящей военное нападение на лагерь мира, демократии и социализма. Каждый честный человек в нашей стране, преодолевая беспечность, должен растить свою настороженность, чтобы во-время уметь распознать людей «с двойным дном», людей фальшивых, не заслуживающих доверия.

Людское сердце, не дремли,
своей взыскательностью строгой,
своей недремлющей тревогой
храни покой родной земли!

Писатели, люди советского искусства — к тому, что думает и переживает каждый советский человек, — невольно добавляют еще и размышления о собственном профессиональном долге.

Есть тут о чем подумать...

«Художник — чувствилище своей страны, своего класса, ухо, око и сердце его; он — голос своей эпохи», — так говорил Максим Горький.

А если это так, — то разве не долг нашей социалистической литературы, всего нашего искусства — стать школой подлинного распознания человека.

Изобрази зоркого человека, — вот что подсказывает писателю дума о бдительности.

Изобрази подлинного героя нашей борьбы, умного, бдительного человека, которого не застигнет врасплох самый изощренный в маскировке враг. Изобрази в реальной, а не выдуманной, в разнообразно трудной, а не слащаво-идиллической обстановке. Идиллий не существует! Есть жизнь, полная борьбы, борьбы нового со всем старым, не желающим добровольно сходить со сцены, глубоко замаскировавшимися и сопротивляющимися всеми силами и средствами.

Художественное произведение, в котором правдиво изображена такая жизнь, растит наших героев, закаляет советских людей, делает их способными разгадать коварство врага.

Люди подчас не представляют, не задумываются над тем, как может быть опасен один, всего только один невыслеженный, во-время нераспознанный, неразоблаченный, необезвреженный враг! Расскажи читателям об этом, покажи рельефно и зримо, что значит один Стахович, способный предать краснодонскую «Молодую гвардию»...

Люди подчас не представляют, откуда и как в нашем советском обществе могут еще появиться слабодушные, бесхарактерные, дезертиры, пакостники, идущие навстречу американским разведчикам. Расскажи читателям и об этом, покажи им, как вырос в предателя Родины «худенький и большеносый мальчик с белесым чубиком», каким вывел Михаил Бубеннов в «Белой березе» Лозневого...

Люди подчас не понимают, как это, в самом деле, живут среди нас убийцы и диверсанты, как они ходят вместе с нами по улицам наших городов, жмут наши руки, улыбаются нам! Покажи читателям со всей силой художественной изобразительности мародера и шкуру, какого-нибудь счетовода Кондрина, — и сделай это еще убедительнее и значительнее, чем это получилось в таком превосходном романе, как «Далеко от Москвы» Василия Ажаева...

Литература и искусство нашей страны должны помочь советским людям развить в себе те качества, которые необходимы для распознания врага.

В пламенно-вдохновенной статье «Родина!», написанной в дни процесса, изобличившего кровавые мерзости троцкистско-бухаринской банды, выдающийся русский писатель Алексей Толстой сумел сказать о самом главном — о любви к Родине, «потому что любовь к родине несет с собой ревнивую бдительность».

Партия учит советских литераторов тому, что борьба с теорией бесконфликтности — не самоцель, что требование — усилить изображение борьбы наших людей со всем тем, что мешает нашему движению вперед, — продиктовано самой действительностью. Острие убийственной сатиры должно быть направлено против ротозеев, «шляп», против людей, зараженных вредными настроениями благодушия и беспечности.

Любовь к Родине неотторжима от ненависти к ее врагам, а ненависть — это действие! Хорошо выразила поэтесса Вероника Тушнова в своей поэме «Дорога на Клухор» чувство непримиримости народа к доверчивой простоте, граничащей с преступлением, которую встречает еще подчас враг в наших рядах:

Пусть он пойман был еще в ту пору,
пусть расстрелян...
Суть совсем не в нем.
Если я хоть раз впустила вора,
значит, плохо берегла свой дом.
Сколько их, непойманных, бродило
днем и ночью по моей стране!..
Как же мне на ум не приходило,
что, возможно, встретятся и мне?
Отчего жила я без заботы,
зла не видя, счастья не храня?
Отчего я думала, что кто-то
должен делать это за меня?

Бдительность должна стать органическим свойством каждого советского человека.

Бдительность и еще раз бдительность!

Второе место в стране

КИЕВ. (Наш корр.). Посевы хлопчатника на Украине — самые северные в мире — занимают значительную площадь. Лишь за последние четыре года они увеличились в девять раз. Ныне по площади, засеваемой под хлопчатник, Украина занимает второе место в стране.

Большое будущее ожидает украинское хлопководство. Через несколько лет, когда закончится сооружение Южно-Украинского канала, хлопчатник займет половину всех орошаемых земель юга Украины.

Поэтому уже сегодня в районы Средней Азии приезжают делегации украинских хлопководов знакомиться с передовыми методами труда на орошаемых полях. В широких масштабах идет подготовка специалистов механизированного хлопководства. Подсчитано, что к приходу днепровской воды хлопковым полям потребуется свыше 1.500 агрономов, 3.600 гидромелиораторов, 1.100 механиков, десятки тысяч колхозных поливальщиков и других специалистов орошаемого земледелия.

Нужны новые высокоурожайные сорта хлопчатника, эффективные средства борьбы с вредителями хлопковых полей. Во многих научных учреждениях страны ученые работают над решением этих проблем. Корреспондент «Литературной газеты» обратился, в частности, к ученым-микробиологам, лауреатам Сталинской премии Н. Пидопличко и В. Билай.

— Наш коллектив, — заявили они, — в течение двух лет работает над изучением микроскопических грибков почвы корневой зоны хлопчатника. Исследования показали, что определенные виды микроскопических грибков, распространенных в почве около корней хлопчатника и в тканях самих корней, по-разному влияют на рост и развитие, а следовательно, и на урожай этого растения. Предстоит разработать приемы использования полезных видов этих грибков для борьбы с заболеваниями хлопчатника, за повышение его урожайности.

Детские книги мастера СТЗ

СТАЛИНГРАД. (Наш корр.). Последнее собрание сталинградских литераторов было не совсем обычным. Оно было посвящено обсуждению детских книг молодого мастера модельного цеха Тракторного завода Владимира Биндусова.

История их создания довольно любопытна. Мастер писал и иллюстрировал их для своего трехлетнего сына. Работал в течение года, и вот перед нами три веселые детские книжечки, написанные в стихах: «Курочкино горе», «Зайка-сладкоежка» и «Медведь и пчелы». Хороший слог, простота, занимательность сюжета делают их увлекательными для ребят дошкольного возраста. Талантливо выполнены рисунки.

Собравшиеся отметили несомненные достоинства книжек В. Биндусова и рекомендовали их для издания Сталинградскому областному издательству.

Элиза БРАНКО, лауреат международной Сталинской премии

ОТВАЖНЫЕ СЕРДЦА

Как известно, 15 января в Кремле академик Д. В. Скобельцын вручил международную Сталинскую премию «За укрепление мира между народами» Элизе Бранко — деятельнице Федерации бразильских женщин.

На церемонии вручения присутствовала прибывшая в СССР делегация Бразилии на Конгрессе народов в защиту мира. От имени делегации в яркой речи Элизу Бранко приветствовал генерал Эдгар Буксбаум — председатель Национального комитета борьбы против военного соглашения между Бразилией и США. «Мы были и будем на стороне Элизы Бранко, — заявил генерал, — мы солидарны с ней».

Отчеты о церемонии вручения международной Сталинской премии, речи Элизы Бранко и генерала Буксбаума были напечатаны вчера в центральных газетах. Мы публикуем сегодня статью Элизы Бранко, написанную по нашей просьбе после вручения ей премии.

Мне вручили международную Сталинскую премию «За укрепление мира между народами». Я хочу сказать читателям «Литературной газеты»: высокая награда, которой я удостоена, принадлежит всем женщинам Бразилии, всем женщинам Латинской Америки. Они заслужили эту честь отвагой сердца, воспрепятствовав отправке солдат в Корею. О них, этих героинях, я думала в ту минуту, когда, находясь в Кремле, услышала, как меня назвали лауреатом премии, носящей имя великого Сталина. Женщинам Латинской Америки и бразильскому народу принадлежит эта премия, наполняющая чувством гордости наши сердца!

Бразильский народ глубоко миролюбив. Движение сторонников мира в Бразилии крепнет с каждым днем, его ряды пополняются новыми и новыми представителями всех слоев общества. Рабочие, крестьяне, интеллигенция, студенты, домашние хозяйки, мужчины и женщины различных политических убеждений и религиозных верований дружно сотрудничают во имя благородной идеи — во имя сохранения мира.

Федерация бразильских женщин, в которой я состою, играет важную роль в борьбе за мир: 900.000 подписей под Обращением о заключении Пакта Мира собрано женщинами Бразилии. Они организуют собрания, беседы, выступления, несут в самые отдаленные уголки страны вести о росте движения борцов за мир, объясняют, почему необходимо защищать мир.

Женщины нашей страны, живут ли они в маленьких деревнях или больших городах, в одинаковой мере испытывают отвращение к войне. Пока еще немногие из них понимают, какие причины порождают войны и каких масштабов новое преступление замышляет кучка эксплуататоров и поработителей народов.

Но все они чувствуют, что необходимо защитить любимых сыновей.

Матери Бразилии не хотят, чтобы их сыновья стали убийцами сыновей других матерей.

Матери Бразилии не хотят, чтобы их сыновья бессмысленно погибли на войне, угодной монополиям США.

Этим и объясняется тот широкий отклик, который вызвала среди нашего народа кампания протеста против отправки бразильских войск в Корею. Тысячи телеграмм, петиций и писем протеста были посланы в парламент на имя президента республики. По всей стране проводились митинги и демонстрации. Эту солидарность бразильского народа, его участие в борьбе за мир я особенно ощутила, когда была арестована и осуждена на четырехлетнее тюремное заключение за то, что перед марширующими войсками развернула плакат с надписью: «Солдаты, наши сыновья не поедут в Корею!»

И по сей день, несмотря на давление, оказываемое северо-американскими агрессорами на бразильское правительство, ни один солдат не был отправлен из Бразилии на войну в Корею.

В дни подготовки к Конгрессу народов в защиту мира бразильские женщины собрались на большую конференцию в своей собственной стране. В этой конференции приняли участие представительницы различных слоев населения и политических партий, желавшие обсудить волнующие их проблемы и найти пути к более активной защите мира. Тогда же были избраны делегатки на Венский Конгресс. Теперь эти женщины борются против военного соглашения между Бразилией и Соединенными Штатами. В результате протеста народных масс это соглашение до сих пор не ратифицировано парламентом.

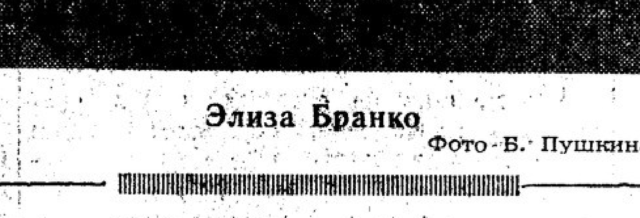
Патриоты Бразилии, борющиеся за мир, не допустили посылки бразильских войск в Корею, воспрепятствовали ратификации парламентом американо-бразильского военного соглашения, несовместимого с национальными интересами нашей страны и с интересами дела мира. Национальный комитет борьбы против военного соглашения между Бразилией и Соединенными Штатами возглавляет наш выдающийся деятель генерал Эдгар Буксбаум.

Женщины Бразилии ведут самоотверженную борьбу за мир, они мужественно переносят неимоверные трудности и тяготы, их бросают в тюрьмы, они подвергаются полицейскому произволу. От их имени я хочу подтвердить: бразильские женщины не допустят, чтобы их мужья и женихи, сыновья и братья были втянуты в войну против миролюбивых народов, которые борются за мир, прогресс, за человеческое счастье.

Наши сыновья не поедут солдатами в Корею!

Никогда они не будут воевать против Советского Союза!

МОСКВА, 16 января

Элиза Бранко. Фото Б. Пушкина

Виктор ВОРОШИЛЬСКИЙ, польский писатель

ВАРШАВА БУДУЩЕГО

Когда восемь лет тому назад солдаты Советской Армии-освободительницы вступили в Варшаву, их встретило молчание руин и гарь пожарищ. В течение долгих месяцев, которые предшествовали этому январскому дню, гитлеровские преступники с жестокостью, тупо, систематически уничтожали столицу Польши. «Варшаву нужно стереть с лица земли!» — решил маленький недочеловек в берлинском бомбоубежище рейхсканцелярии.

Советские солдаты увидели в освобожденной Варшаве мрачный океан развалин, океан, в котором немногочисленные уцелевшие дома казались жалкими островками. И, несмотря на это, вопреки злорадству гитлеровских извергов, вопреки скептическим усмешкам лондонских и парижских корреспондентов, Варшава жила. Она жила потому, что каждый из краснозвездных солдат вместе с давно ожидаемой свободой нес ей такой бесценный дар, как уверенность в собственном будущем.

Еще гремела канонада, а жители Варшавы уже возвращались в свой город. Они селились в подвалах и наспех сделанных шалашах, без воды, без света... Вместе с ними в столицу прибыло правительство, какого еще никогда не знала наша страна, — народное правительство. Прибыл товарищ Болеслав Берут. Под непосредственным руководством партии и народного правительства, под личным водительством товарища Берута началось восстановление Варшавы.

Сумеем ли мы рассказать историю восстановления столицы будущим поколениям, которые не видели варшавских руин?!

Сливаются воедино дни, каждый из которых — свидетельство огромного напряжения сил и геройства. Как выглядели первые дни очистки города от развалин! Какая эпопея предшествовала тому дню, когда вспыхнула первая электрическая лампочка! А история варшавского трамвая! А четыре стальных моста через Вислу, последний из которых, «Силезско-Домбровский», был закончен в рекордный срок — за 9 месяцев — и передан в эксплуатацию в день национального праздника 22 июля 1949 года!

Однако самым удивительным и великолепным является реконструкция Варшавы, начавшаяся с первого дня восстановительных работ. На месте разрушенного города стала подниматься новая, прекрасная, социалистическая Варшава.

Достаточно сравнить улицу Маршалковскую, главную торговую артерию старого города, с узкой мостовой, уродливыми нагромождениями домов, всегда шумную и грязную, и строящийся теперь на ее месте удобный, большой Маршалковский жилой район, и контраст между двумя Варшавами станет особенно ярким.

Прошлым летом, когда была передана в эксплуатацию первая часть Маршалковского жилого района, принявшего сразу 45 тысяч жителей, толпы варшавян в течение нескольких дней и ночей приходили любоваться новым обликом площадей и улиц. Интерес сливался с гордостью: так вот какой будет наша социалистическая Варшава! Да, будет именно такой, и даже еще прекрасней!

Пройдемтесь по Варшаве недалекого будущего — Варшаве 1960 года.

Начнем нашу прогулку от нового главного вокзала близ Дворца культуры и науки — щедрого дара правительства СССР. Строительство дворца было начато в 1952 году и закончилось в 1955 году. Спускаясь вниз по широкой, густо озелененной Маршалковской, мы окажемся в центре Варшавы, в том самом центре, который был уничтожен гитлеровцами более чем на 85 процентов. В день нашего путешествия здесь не останется и следа от руин. Перед нами — чудесный архитектурный ансамбль, в котором зеленые ленты парков гармонично сочетаются с новыми строениями.

Если бы мы вдруг захотели определить, где кончается центр и начинаются другие, некогда нищенские кварталы, варшавские предместья, — это оказалось бы трудной задачей. В Варшаве 1960 года даже самые отдаленные кварталы и жилые районы окончательно сотрут печать «периферии». Их культурно-бытовые учреждения, архитектурный облик будут отвечать высоким эстетическим требованиям, их свяжет с центром удобная коммуникационная сеть.

Старое понятие «предместье» перестанет существовать!

И если уж мы выбрались на прогулку по Варшаве 1960 года, давайте пока что минуем начавшие действовать к этому времени две первые очереди метро, дойдем до площади Конституции и повернем налево, на восток — к Висле. Отсюда всего несколько шагов до нового большого парка культуры и отдыха вдоль реки.

Прежде прибрежные кварталы Повисле и Черняков считались почти какой-то экзотической колонией Варшавы, отделяющей непроходимой преградой центр города от Вислы. А теперь из возносящегося вверх своими корпусами Маршалковского жилого массива мы вдруг попадаем на цветущие просторы зеленых зарослей, клумб и газонов, и через несколько минут перед нами блестит, сверкает самая прекрасная река Польши.

Парк культуры и отдыха на берегу Вислы — это один из самых больших и красиво расположенных парков в Европе. Мы можем долго итти вдоль реки и любоваться широкими зелеными бульварами, каменными набережными, необъятными просторами света и воздуха. По пути мы встретим Черняковский порт — здесь мы можем сесть на водный трамвай. Пройдет немного времени, и нас гостеприимно примет новый порт в Жеране.

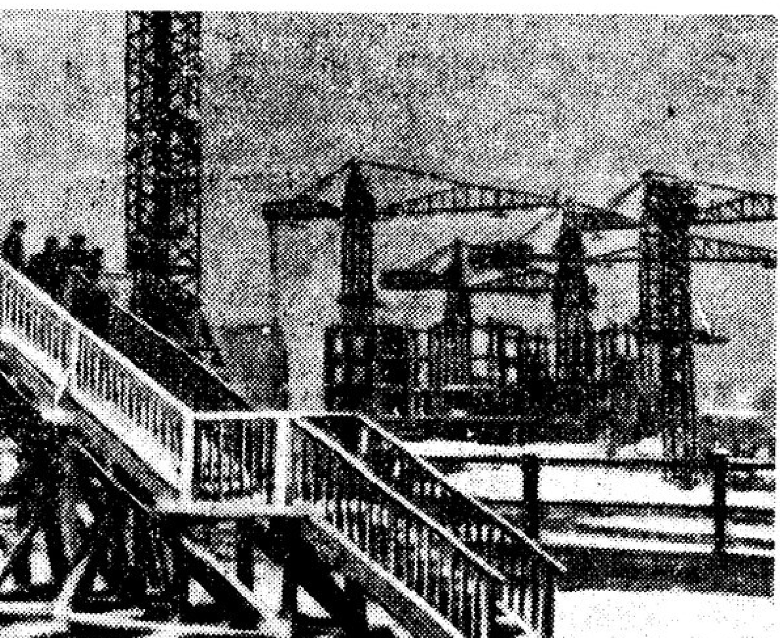
История района Жерань — это новый символический пример тех перемен, которые принесла нашей стране народная революция. Когда-то здесь гнездилась самая страшная нищета, лепились одна к другой, как бы желая согреться, лачуги безработных. По шестилетнему плану здесь выстроен первый в Польше завод легковых автомобилей, и вокруг него начал разрастаться новый промышленный район, сейчас самый большой в Варшаве.

Второй новый крупный район Варшавы, насчитывающий 140 тысяч жителей, возникнет в Млоцинах и Белянах, вокруг мощного металлургического комбината «Варшава», строительство которого было начато в 1953 году.

За пятилетие (1956—1960 гг.) жители Варшавы получат четверть миллиона комнат. Это два довоенных Кракова! В связи с развитием промышленности население столицы достигнет в 1960 году одного миллиона трехсот тысяч жителей.

...Закончим нашу прогулку по Варшаве недалекого будущего у Дворца культуры и науки. С вершины его откроется прекрасный вид на социалистическую столицу, одну из младших сестер Москвы, на город — живой свидетель поражения фашистских варваров и победы свободных народов, любящих мир.

Мы отчетливо видим утопающие в зелени новые солнечные кварталы, видим новую нашу любимую Варшаву!

Жители Варшавы со специально сооруженной трибуны наблюдают за строительством Дворца культуры и науки.

Снимок из польского журнала «Столица».

В беседе с нашим корреспондентом...

Техника ближайшего будущего

Мы настолько привыкли пользоваться автоматическими и телемеханическими устройствами, что обычно не задумываемся над тем, какую важную работу они для нас выполняют. Между тем в этой увлекательной области техники заложены огромные возможности. На многих предприятиях действуют лаборатории автоматики — очаги технических исканий. В Академии наук СССР создан специальный Институт автоматики и телемеханики, разрабатывающий научные основы этих проблем.

Отвечая на вопрос корреспондента «Литературной газеты» о завтрашнем дне автоматики и телемеханики, директор института, проф. В. Трапезников сказал, что ближайшее будущее этой области техники в нашей стране определено директивами XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР.

— В этом историческом документе трудно указать раздел, где не говорилось бы о дальнейшем развитии механизации и автоматизации производства, — говорит проф. Трапезников. — Широкая автоматизация производственных процессов намечена в металлургии, энергетике, строительстве, горном деле, машиностроении, на транспорте. Выпуск приборов управления и контроля автоматики и телемеханики должен быть увеличен за пятилетие примерно в 2,7 раза.

— Какая отрасль нашего народного хозяйства отличается наивысшим уровнем автоматизации?

— Одной из наиболее автоматизированных отраслей промышленности является энергетика. Уже свыше 90 процентов всех гидростанций Министерства электростанций СССР переведено на автоматическое управление. Семь гидроэлектростанций управляются на расстоянии и работают без обычного дежурного персонала. Они закрыты на замок и управляются с диспетчерских пунктов, расположенных за десятки километров, и лишь изредка подвергаются техническому осмотру. В пятой пятилетке будет завершена полная автоматизация районных гидроэлектростанций, начнется телемеханизация энергетических систем. Широко автоматизируются тепловые электростанции.

Предстоит автоматизация и телемеханизация сооружаемых сейчас грандиозных гидроузлов на Волге, Днепре, в Кара-Кумах. Эта задача требует решения множества сложных вопросов. Понадобилось, в частности, изготовить специальные электрические модели, на которых можно было бы исследовать автоматические и телемеханические устройства для Куйбышевской и Сталинградской ГЭС. Такие модели уже имеются в некоторых научно-исследовательских институтах, в том числе в Институте автоматики и телемеханики.

— Какую отрасль промышленности труднее всего автоматизировать?

— При автоматизации любой отрасли промышленности возникают сложные научные и технические задачи. Иногда эти трудности бывают связаны с большим разнообразием выпускаемой продукции и технологических процессов. Таким примером могут служить машиностроительные заводы, где обрабатываются изделия, отличающиеся подчас весьма сложными формами. Однако и здесь сейчас работает уже 39 автоматических станочных линий, изготовляющих детали для автомашин, тракторов и т. д. Крупнейшее достижение советского машиностроения — широко известный полностью автоматизированный завод для производства поршней автомобильных моторов. На этом предприятии автоматизированы все операции, начиная с литья и кончая упаковкой готовой продукции. На XIX съезде партии такие заводы были названы прообразом техники будущего коммунистического общества. Сейчас на станкостроительных заводах изготовляется около десяти новых автоматических станочных линий.

Директивами XIX съезда партии, как известно, предусмотрен переход к высшей технике во всех отраслях промышленности, в строительстве, сельском хозяйстве. Одна из важнейших ветвей технического прогресса — автоматика. Она освобождает человека от постоянного наблюдения за производственным процессом. Человек лишь контролирует действие приборов и механизмов. Труд рабочего изменяется и приближается к труду инженера. Автоматизация позволяет ускорять производственные процессы, управлять мощными и быстродействующими машинами, улучшает качество продукции, значительно повышает производительность труда.

— Большие и ответственные задачи в этой области поставлены перед советской наукой, — заявил в заключение проф. В. Трапезников. — Ученым в творческом содружестве с работниками производства предстоит углубить теоретические основы автоматики и телемеханики, разработать новые принципы построения автоматической и телемеханической аппаратуры на основе последних достижений передовой отечественной науки и создать технологические процессы, обеспечивающие переход к заводам-автоматам в различных отраслях промышленности.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

ИЗ ХРОНИКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

* **«Демон» в исполнении студентов.** На сцене Государственного театра оперы и балета в Риге студенты местной консерватории показали оперу Рубинштейна «Демон».

* **Фильм «Авиценна».** Сталинабадская студия кинохроники закончила производство фильма об Абу Али ибн-Сина (Авиценне), в котором показаны юбилейные торжества, памятники древней Бухары, селение Афшана, где родился Авиценна, работа советских ученых над его наследием.

* **Люминесцентные лампы.** Лампы дневного света установлены не только в цехах многих узбекских предприятий и 175 хлопковых заготовительных пунктах, но и в некоторых домах Ташкента.

* **28-й клуб города.** В Кишиневе построен двадцать восьмой по счету клуб — для рабочих обувной фабрики имени Лазо. Зрительный зал клуба рассчитан на четыреста человек.

* **Вторые профессии.** Сорок горняков рудника имени К. Либкнехта (Кривой Рог) овладели вторыми профессиями; они окончили курсы, созданные при учебном комбинате рудника.

* **Новый санаторий.** В Ессентуках вступил в строй новый санаторий Министерства трудовых резервов. Это второй санаторий, открытый на курорте в течение месяца.

* **Салон-магазин.** В Казани открыт салон-магазин, в котором можно приобрести картины местных мастеров кисти, копии полотен русских классиков и советских художников.

* **Съезд врачей.** Во Владимире состоялся областной съезд врачей. Выступавшие отмечали, что в каждом районном центре теперь имеются врачи всех основных специальностей. В области широко распространены новейшие методы лечения (в частности, тканевая терапия, лечение рентгеновскими лучами и радием).

Ширить фронт боевой публицистики!

В секции очерка, публицистики и научно-художественной литературы Союза советских писателей

Недавно — в декабре минувшего года — в редакцию «Нового мира» пришло письмо. Оно было адресовано члену редколлегии журнала писателю Константину Федину. Автор — Герой Социалистического Труда тов. Прозоров писал:

«Многоуважаемый Константин Александрович! Это Вам пишет председатель колхоза «Красный Октябрь» Вожгальского района, Кировской области. Если Вы не забыли — мы встречались с Вами в Праге и в Варшаве. Я прочитал статью в журнале «Новый мир», № 9, «Районные будни» В. Овечкина. Вот эта статья и заставила меня написать Вам.

...Не найдете ли Вы возможным командировать в наше хозяйство тов. Овечкина».

Тов. Прозоров считал, что ситуация, описанная в «Районных буднях», типична в какой-то мере и для их района; он просил командировать писателя, чтобы В. Овечкин приехал к ним и помог разобраться в делах района.

Но так думает не только председатель колхоза «Красный Октябрь». На открытом партийном собрании секции очерка, публицистики и научно-художественной литературы, посвященном проблеме типического, приводились и другие примеры того, как читатели восприняли очерки В. Овечкина. В Курской, Смоленской и других областях люди были уверены, что писатель отобразил факты и события, происходившие именно в их местах. Очерки Валентина Овечкина обсуждались на партийных активах, на совещаниях секретарей райкомов.

Чем же объяснить такой успех писателя, выступившего с относительно небольшими произведениями в два-три листа каждое? Случайно ли оба очерка Овечкина, уже обсуждавшиеся ранее на секции очеркистов Союза писателей, снова оказались в центре внимания открытого партийного собрания? Прежде всего объясняется это тем, что, смело вторгаясь в жизнь, автор смог подметить типическое. Мастерство формы изложения здесь сочетается с публицистической страстностью. «Наша жизнь именно потому и прекрасна,—писал А. Макаренко, — что мы способны бороться, то-есть разрешать конфликты, смело итти им навстречу...». Так и поступает В. Овечкин. Он не боится изображать жизнь в ее противоречиях, не уходит, не отстраняется от них; напротив, писатель стремится именно туда, где видит трудности, конфликт, чтобы своим вмешательством помочь в преодолении недостатков.

При обсуждении очерков В. Овечкина отмечались следы некоторой спешки в очерке «В одном колхозе», спорность характеристик некоторых героев и пр. Но тем не менее, совершенно ясно, что новаторское значение очерков велико. Они являются ценным вкладом в успешное выполнение той важной задачи, которая предъявляется к советской литературе: помочь народу, партии подметить в жизни, наряду с передовым, положительным и те отрицательные, теневые стороны, которые еще существуют,—подметить с тем, чтобы устранить!

На те же в общем темы, что и очерки В. Овечкина,— о современной колхозной деревне — написаны вышедшие в 1952 году книги рассказов В. Фоменко и Е. Дороша. Сравнивая произведения этих трех, не похожих друг на друга и одаренных авторов, выступавшие на собрании секции писатели говорили о различных методах подхода к разрешению избранной темы. Е. Дорош видит то хорошее, что есть ныне в деревне, и сравнивает с тем плохим, что было там в дореволюционное время. Пафос многих его вещей прежде всего в этом сравнении. В. Фоменко, главным образом, отбирает для изображения яркие, праздничные картины деревни сегодняшнего дня и редко обращает внимание на трудности, на теневые стороны жизни. Овечкин же стремится повести своего читателя в наше завтра. Он показывает: то, что вчера еще было плохо, сегодня стало лучше, но оно может и должно быть гораздо лучше завтра. Писатель зовет к устранению недостатков, к борьбе с косностью, преодолению препятствий на пути нашего движения вперед. Это путь нелегкий, но наиболее плодотворный.

Год назад на отчетно-выборном собрании секции, подводившем итоги ее работы за 1951 год, справедливо раздавались критические голоса о том, что очеркисты еще отстают в освещении великих строек коммунизма, что наблюдается недооценка жанра публицистики, что на страницах газет и журналов появляются серые, недоработанные произведения. Выступавшие в прениях отмечали также, что критики не принимают участия в жизни секции, а произведения литераторов чаще всего обсуждаются только после выхода книги в свет, когда уже невозможно до переиздания устранить обнаруженные недостатки. Говорили о пренебрежении к теории жанра.

И вот прошел год. Что же изменилось за это время в работе секции, как были учтены критические замечания писателей?

За это время секция провела ряд интересных мероприятий, например, творческое обсуждение, посвященное теме «Как писать о завтрашнем дне?» (по книгам Г. Кублицкого и В. Захарченко). Обсуждались произведения Б. Полевого, Е. Строговой, И. Ирошниковой, Ю. Королькова и др.

Но, как и прежде, в работе секции очерка, публицистики и научно-художественной литературы не принимают участия критики. Достаточно привести такой вопиющий факт: в течение 1952 года на творческих обсуждениях секции не выступил ни один критик.

Плодотворно прошли собрания, посвященные проблеме типического в очерковой литературе, вопросам участия писателей в пропаганде пятилетнего плана, задачам секции в свете решений XIX съезда партии.

Все это можно занести в актив секции. Но если взглянуть на работу писателей-публицистов и очеркистов, сообразуясь с большими задачами, стоящими перед всей советской литературой, будет ясно: сделано и делается еще очень мало.

В Союзе советских писателей не раз обсуждались произведения о великих стройках коммунизма. Жанр публицистического очерка позволяет оперативно рассказать читателю, что происходит сегодня на стройках, раскрыть в художественной форме героические усилия советских людей — строителей коммунизма. Но в минувшем году очеркисты, как и другие писатели, не могут похвалиться особыми успехами. Больше года тому назад вышла документальная повесть В. Галактионова и А. Аграновского «Утро великой стройки». На стройках коммунизма давно наступил день, а хороших произведений об этом дне, когда широко развернулось трудовое наступление, еще почти нет.

Одно из немногих исключений представляет собой сборник рассказов Б. Полевого «Современники», в которых автор стремится дать типические портреты строителей Волго-Дона. Герои лучших рассказов книги — рядовые советские люди, преданные своему делу, мастера, освоившие могучую технику, обладающие широким идейным кругозором. Но, отмечая в целом эту книгу, как положительное явление, следует при этом сказать, что в отличие от очерков В. Овечкина в рассказах Б. Полевого конфликты подчас даны односторонне: в рассказах преимущественно говорится о борьбе с природой, о смелом преодолении технических трудностей. Но ведь строители коммунизма нередко борются не только с внешними трудностями, они преодолевают и трудности внутреннего свойства, недостатки, вызванные еще бытующими среди части людей отсталыми настроениями. При наличии отмеченных недостатков очерки и рассказы Б. Полевого вполне закономерно собрались в одну цельную по теме и замыслу книгу. А это бывает не столь часто. Чаще получается иное — очерки живут ограниченное время только на страницах газет или журналов, не выдерживая испытания временем.

Но все ли делается нашими литераторами для того, чтобы рассказать читателю о величественном и прекрасном Сегодня? Много ли очерковых, публицистических произведений появляется на страницах литературных ежемесячников, на титульных листах которых написано: «Литературно-художественный и **общественно-политический** журнал»? Пока еще мало, и качество их сплошь и рядом невысокое. Упрека в невысоком качестве ряда публикуемых материалов заслуживает и журнал «Огонек». Там появляется особенно много безмятежно созерцательных очерков, где события разворачиваются спокойно, ровно, без всяких конфликтов. Нередко очерки в «Огоньке» страдают лакировкой действительности, отсутствием даже намека на критику каких бы то ни было отрицательных, неказовых сторон жизни.

Не потому ли все это происходит, что многие наиболее опытные и даровитые литераторы-очеркисты и публицисты принимают ныне все еще слабое участие в работе журналов, сами отказываются от всесоюзной читательской трибуны, часто уступая ее менее квалифицированным журналистам, а порой и просто халтурщикам? А ведь только журнал «Огонек» публикует в год до 150 очерков. Печатают очерки и статьи также и такие популярные в народе журналы, как «Работница», «Крестьянка», «Молодой колхозник», «Смена» и многие другие.

Разве тревожное положение с невысоким качеством и явно недостаточным количеством очерковых и публицистических материалов в журналах не должно быть предметом тревоги в секции очеркистов? Конечно, должно. Тогда почему же за весь год секция не обсудила работу отдела очерка и публицистики хотя бы одного журнала? Из плана в план переносится это важное мероприятие. В течение целого года секция не обсудила также и проблем публицистики. По сути дела забыт и такой важный раздел публицистики, как публицистика международная.

А между тем задача ясна — фронт публицистики должен стать гораздо более широким, чем сейчас: это — передовая линия идеологической борьбы. Не может быть в нашей стране литератора, который не считал бы публицистику своим родным, кровным делом. Публицистика органически входит в самые разнообразные жанры нашей литературы — в роман, пьесу, стихи. А хороший очерк или статья, в том числе теоретическая, просто немыслимы без пламенной публицистической насыщенности.

К этому обязывают нас традиции русской прогрессивной литературы. В статье, открывавшей первую книжку пушкинского «Современника», говорилось, что «журнальная литература, эта живая, свежая, говорливая, чуткая литература также необходима в области наук и художеств, как пути сообщения для государства...» В. Г. Белинский выписал эту мысль в своей статье для того, «чтобы показать, что «Современник» **имеет настоящий** взгляд на журнал».

Что же говорить о журнальной литературе нашего советского общества! Недаром основоположник литературы социалистического реализма А. М. Горький в статье «О литературе» писал: «Никогда и нигде важнейшее дело познания своей страны не развивалось так быстро и в такой удачной форме, как это совершается у нас. «Очеркисты» рассказывают многомиллионному читателю обо всем, что создается его энергией на всем огромном пространстве Союза Советов, на всех точках приложения творческой энергии рабочего класса».

К этому зовет и пример В. В. Маяковского: поэт не упускал возможности выступать в печати не только со стихами, но и со своими блестящими очерками. В одной из статей, написанных после поездки по Польше, он говорит: «Литература СССР — только участок на огромном фронте борьбы мира за освобождение; наши слова закатываются за кордоны — и там это не шаблонные агитки, а чудо свободного слова...»

Высокий пример действенной публицистики в дни Великой Отечественной войны показали такие советские писатели, как А. Толстой, И. Эренбург, М. Шолохов, Н. Тихонов, Б. Горбатов и другие.

Какими великолепными силами обладает наша литература для широкого развертывания фронта публицистики! Боевая публицистика, разумеется, дело не только членов секции очеркистов. Это — неотъемлемая часть профессии каждого советского литератора. Почему же в прошлом году читатель почти не встречал на страницах периодической печати публицистических выступлений большинства наших крупнейших, широко известных народу писателей? Правильно ли такое положение? — Нет, неправильно. Разве не прямой долг больших художников слова возглавить фронт широкой публицистики, быть в первых рядах агитаторов и пропагандистов?

Вопросы политики, морали советского общества, проблемы экономики и науки, борьба за мир во всем мире, разоблачение поджигателей войны, вопросы бдительности — какой огромный круг тем для публициста!

Кому, как не советским литераторам, решать эти задачи?

Но публицистика—не только долг и обязанность писателя,— это предмет высокого внутреннего удовлетворения для литератора. Публицистика — непосредственное боевое выражение того, что волнует писателя, того, что он подметил в жизни и чем он, по долгу гражданина и художника, стремится немедленно поделиться с читателем. И разве не радостно иметь право и возможность во имя борьбы за общее дело действовать, воевать великим оружием слова, которое через журналы, газеты, радио становится достоянием миллионов.

К сожалению, даже хорошие писатели, создавшие широко признанные народом произведения, не всегда уясняют себе роль публицистики, ее значение. Как, например, расценить письмо писательницы Г. Николаевой, содержание которого огласила на открытом партийном собрании секции очерка, публицистики и научно-художественной литературы член редколлегии журнала «Огонек» тов. Марина? В ответ на обращение редакции к писательнице с просьбой написать для журнала очерк на важную и интересную тему Г. Николаева написала: «Благодарю Вас, но я сейчас, слава богу, уже могу не писать очерков».

Откуда вдруг у сравнительно молодой писательницы Г. Николаевой появилось после опубликования ее первого же романа такое барское пренебрежение к очерку, как к чему-то третьесортному? Разве, к примеру, ее очерк «Колхоз «Трактор», не явился образцом боевой публицистики, которым по праву может гордиться автор «Жатвы»?!

Участие писателей в работе своих печатных органов, их публицистические и очерковые выступления — дело первостепенной важности. Секция очеркистов обязана преодолеть свою замкнутость, она должна смело ставить большие принципиальные вопросы, имеющие общее значение для всей литературы.

И здесь, с одной стороны, задача самой секции расширить пределы своей работы и, с другой стороны, — задача руководства Союза советских писателей активно поддержать все направленные на это начинания. Все лучшие силы нашей литературы, все внимание писательской общественности нужно привлечь к расширению фронта боевой публицистики, к усилению ее наступательного духа.

НОВАЯ ТЕХНИКА И ВЕДОМСТВЕННЫЕ БАРЬЕРЫ

ОБ ОДНОЙ ОТПИСКЕ ЗАМЕСТИТЕЛЯ МИНИСТРА ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ ТОВ. Д. ЧИЖОВА

В «Литературной газете» была напечатана статья писательницы Е. Катерли «О землеройном комбайне». Напомним кратко ее содержание. Пять лет назад ленинградский опытный завод Министерства электростанций СССР спроектировал и построил погрузочно-разгрузочную машину нового типа — «ОПЭИ». Специальная комиссия высоко оценила ее качества. После испытаний опытного образца был разработан проект серийной машины. Но на этом интерес министерства к «ОПЭИ» исчерпался. Проект положили в архив, а машину, на которую затратили около двух миллионов рублей, свезли на заводскую свалку.

Но таков уж уклад нашей советской жизни — новое, прогрессивное не может погибнуть. О машине вспомнили. Примечателен и самый повод, побудивший вновь заговорить о ней...

На великих стройках используются землеройные машины большой мощности. Еще недавно последней новинкой землеройной техники был шагающий экскаватор с ковшом емкостью 14 кубометров. Ныне конструкторы проектируют еще более мощные экскаваторы. Но самый принцип действия существующих экскаваторов не претерпевает существенных изменений, хотя жизнь и предъявляет новые требования. Экскаватор работает по принципу лопаты: ковш врезается в грунт, затем, зачерпнув его, относит или отбрасывает в сторону. На 14-кубовом экскаваторе установлены моторы общей мощностью в 7 тысяч киловатт — мощностью небольшой районной электростанции. Но могучая сила экскаватора, как и у всех машин прерывного действия, используется весьма неравномерно и неполно: средняя загрузка машины не превышает 800 киловатт.

Опыт эксплуатации экскаваторов на великих стройках заставил конструкторов задуматься над созданием землеройной машины большой мощности для **непрерывного** рытья грунта. Так возникла идея землеройного комбайна. При этом высказывались предположения, что решить эту задачу можно, используя в качестве основного рабочего процесса обрушение грунта.

Эта новая, рожденная на площадках великих строек техническая идея и заставила вспомнить о машине, ржавеющей на свалке ленинградского завода.

Статья «О землеройном комбайне» вызвала многочисленные отклики. Инженеры с великих строек запрашивают, где можно ознакомиться с новой машиной. Студенты технических вузов просят прислать ее схему для изучения. Знатный экскаваторщик Куйбышевгидростроя Б. Коваленко заявляет: «Дайте эту машину нам, и мы поможем конструкторам довести ее до рабочего состояния».

Откликнулось и Министерство электростанций СССР. В редакцию поступило письмо заместителя министра тов. Д. Чижова. Он объясняет, почему министерство потеряло интерес к «ОПЭИ». Но, к сожалению, объяснения эти — неприкрытая попытка отвести справедливую критику. Письмо заместителя министра тов. Д. Чижова свидетельствует о том, как опасны ведомственные барьеры, возникающие на пути внедрения новой высокопроизводительной техники.

Видимо, для того, чтобы соблюсти престиж министерства, тов. Д. Чижов пытается прежде всего доказать, что путь «ОПЭИ» на свалку вполне закономерен.

Как утверждает в своем письме тов. Чижов, электростанции накопили опыт эксплуатации другой машины — «РПМ-2», «сходной по своей конструкции с «ОПЭИ». Поскольку же «РПМ-2» не оправдала возлагавшихся на нее надежд, министерство отказалось и от «ОПЭИ».

Читаешь и просто не веришь глазам своим! Откуда взят аргумент, будто одна машина «сходна» с конструкцией другой? Нет ничего общего у этих машин, ибо «РПМ-2» работает по принципу многоковшового экскаватора, а «ОПЭИ»... вовсе не имеет ковшей! В этом легко убедиться, даже не раскрывая документов, хранящихся в архивах министерства, а просто взглянув на обе машины. Федот, да не тот!

Далее в письме сообщается, что «при разработке «ОПЭИ» министерство не ставило себе задачи создания землеройной машины». Тов. Чижов, видимо, хочет объяснить, почему министерство, отказавшись от использования «ОПЭИ» как погрузочно-разгрузочной машины, не позаботилось о дальнейшей ее судьбе. Но нет никакого оправдания этому, нельзя согласиться с таким ведомственным подходом к новой технике!

Ведь при первом же испытании опытного образца комиссия министерства обнаружила это важное свойство новой машины и обратила на него внимание своих руководителей. В акте мы находим такую запись: «Машина может эффективно работать по экскавации песчаных грунтов любых фракций и глины при соответствующем разрыхляющем устройстве; машина может выполнять массовые планировочные работы». Иными словами, инженеры — члены комиссии увидели в испытываемом ими образце землеройную машину, работающую на совершенно новом принципе, ту машину, о которой давно уже мечтали строители.

Но министерство, получив этот акт испытаний, положило его под сукно. Министерство электростанций нисколько не взволновали нужды строителей: «Не моя, мол, печаль чужих детей качать»...

Три четверти века назад великий русский изобретатель П. Н. Яблочков работал над электролизом соли. Во время одного из многочисленных опытов параллельно расположенные и погруженные в электролитическую ванну угольки случайно сблизились, и между ними вспыхнула яркая электрическая дуга. В это мгновение у Яблочкова родилась его идея знаменитой «электрической свечи». Мог ли изобретатель погасить эту принесшую столько блага человечеству идею лишь потому, что она не относилась непосредственно к электролизу соли? Не мог, конечно. И не полезно ли вспомнить об этом примере из жизни великого русского ученого некоторым руководящим работникам Министерства электростанций?

Узнав из газеты о новой машине, на ленинградском заводе побывали видные ученые, конструкторы, в их числе — профессор Ленинградского кораблестроительного института В. Дмитриев, руководитель кафедры Московского инженерно-строительного института проф. Н. Домбровский.

Что же они увидели там?

За четверть века на заводе сформировался коллектив талантливых конструкторов-энтузиастов. Они и сейчас упорно работают над решением поставленной XIX съездом партии задачи: механизировать трудоемкие и тяжелые работы в промышленности и строительстве. Но эта большая народнохозяйственная задача выходит за пределы ведомственных интересов министерства. Создалась реальная угроза свертывания творческих поисков этого талантливого коллектива, ибо, по вине министерства, труд конструкторов во многих случаях остается бесплодным.

Ржавеет на заводском дворе «ОПЭИ», имеющая большие перспективы. В закоулки и тупички поставлены (за ненадобностью!) и другие многообещающие машины. Двор опытного завода стал, по сути дела, кладбищем, где похоронены воплощенные в металле смелые, интересные замыслы конструкторов.

Почему они не увидели света? Почему остались опытными экземплярами или, в других случаях, недоработанными конструкциями? Да потому, что Министерство электростанций не испытывает в них сейчас нужды, а ознакомить с ними другие министерства не считает нужным.

Так обстоит дело. И совсем не так его старается представить тов. Д. Чижов.

Думается нам, что ему следовало бы более внимательно, по-деловому воспринимать критику недостатков работы министерства. Отмахнуться от требований жизни нельзя. Нельзя и отгородиться от них ведомственными перегородками.

Только государственный подход к делу может обеспечить правильное решение любого вопроса. От такого, единственно правильного подхода зависит и судьба машин, созданных новаторами, работающими в системе Министерства электростанций. Машины эти могут повысить производительность труда и механизировать трудоемкие процессы не только на предприятиях этого министерства, но и в других важнейших отраслях промышленности и строительства. А раз так, то и нужно позаботиться об этом.

В. КУКИНОВА

Плохая отметка

О физическом воспитании школьников

1. Вадику — сыну моих соседей по квартире — сейчас пятнадцать лет. А приехал он к нам, когда ему не было и шести. Он вырос у нас на глазах. У нас на глазах он перебирался из вельветовых штанишек на лямках в брюки, менял вязаную шапочку с помпоном на кепку, а «снегурочки», привязанные веревкой к валенкам, — на «гаги» с ботинками.

На наших глазах совершалось и другое чудо — будничное, но великое чудо превращения несмышленыша в человека.

Восемь лет назад мать подвела своего сына к порогу школы. Его неверная рука с превеликим трудом пыталась изобразить на косой линейке прямую, как гвоздик, палочку — первый элемент будущей буквы.

Восемь лет изо дня в день велась гигантская и кропотливейшая из работ — работа по формированию человеческого разума. И вот мы видим — не умевший соединять буквы в слоги сейчас анализирует «композицию и символику драмы Островского «Гроза», разбирает «тригонометрическую форму комплексных чисел», рассказывает о «кинетической энергии поступательного движения тела». Это сделали школа, учителя. Они научили его читать, писать, считать, они научили его мыслить. Да, школе, и именно ей, обязан мальчик своим сказочным скачком от букваря к тригонометрии, всею своею чудесной умственной трансформацией.

Но с восьми до пятнадцати лет развивался не только его ум, но и его тело, его мускулы. Шло физическое формирование подростка, рост его физической культуры. Но тут — мы все свидетели — Вадик был обречен, почти как дикарь, на полную самостоятельность. Если обучая грамоте, учитель заботливо и умело поддерживал дрожащую руку ребенка, ведя его осторожно и последовательно от букваря к хрестоматии, то привязывать «снегурочки» веревкой к валенкам и пытаться удержаться на них Вадик научился сам, сам перебирался с обледенелых тротуаров на зеркало катка — словом, тайну образования крепких мускулов он постигал без педагогического вмешательства.

Школа и ее организации предоставили ему полную свободу полюбить спорт или отвратиться от него, стать ловким или неповоротливым, широко развернуть свои плечи или остаться сутулым. Кстати сказать, Вадик — сутулый. Его родная тетка, питающая к нему слабость, уверяет всех, что это от «юношеской застенчивости» и что со временем из него выйдет «парень-орел». Но пока у этого орла воробьиные плечи и грудь и весьма расслабленный позвоночник. Может быть, это оттого, что теткины взгляды на то, как воспитываются орлы, разделяет и школа?

Может быть. Во всяком случае история физического образования Вадика не опровергает, а скорее подтверждает это. Кататься на коньках он научился во дворе. «Дикому» футболу—без правил и регламента — там же. На лыжах ходить не умеет — пытался, но не научился. Вадик говорит, что в этом виновата лыжная база, что их класс будто бы два раза организовывал «вылазки», и оба раза на лыжной базе были толкучка и очереди, а лыжи выдавали разные и со сломанными палками.

Плавать он не умел до прошлого года. Не умел бы и до нынешнего, если бы не привелось поехать летом не в пионерский лагерь, где к воде не подпускали, а с отцом в деревню. Вадик по приезде хвастался, да и сам отец подтверждал, что мальчишка научился не хуже деревенских ребят нырять и плавать саженками и на спине.

Таков уровень спортивного образования Вадика.

Если оценить этот уровень языком школьного аттестата, то такому девятикласснику пришлось бы попросту поставить плохую отметку и признать его малограмотным. Малограмотным самоучкой-любителем, бессистемно, с пятое на десятое постигшим кое-какие азы физической культуры.

2. А много ли таких малограмотных? Может быть, злополучный Вадик не более, как печальное исключение? Зайдем в 178-ю мужскую школу Свердловского района столицы. Именно в 178-ю — она на хорошем счету, ею гордятся в районе. Двадцать четыре грамоты (десять из которых получено в минувшем году) вручено школе за ее спортивные достижения.

И зайдем не вообще в школу, а к выпускникам. Ведь это те, кто через несколько месяцев навсегда покинут школу, унося с собой тот запас знаний и физкультурных навыков, которые помогут им жить, трудиться, множить спортивную славу Родины, а если понадобится — защищать ее от врага. Это те, на ком всего виднее результаты того физического воспитания и обучения, которые дает учащемуся школа. Каковы же эти результаты?

В школе два десятых класса. В них — шестьдесят выпускников. Но из шестидесяти только трое имеют спортивный разряд. Один — по лыжам, один — по бегу и один — по прыжкам. Но разрядник—это, так сказать, ученик-отличник, ученик-медалист. Не все шестьдесят, разумеется (хотя, конечно, и не трое!) должны быть обязательно «физкультурниками-медалистами». Однако спортивно-грамотными, то есть владеющими элементарными гимнастическими навыками, умеющими плавать, грести, ходить на лыжах, должны быть, на наш взгляд, все шестьдесят. Все шестьдесят, и никак не меньше, обязаны в итоге десятилетнего физкультурного обучения сдать нормы комплекса «Готов к труду и обороне» 1-й ступени. Но в школе, увешанной грамотами, только 33 выпускника из 60 осилили эти нормы. Получается, что добрая половина юношей выходит в жизнь не подготовленной к труду и обороне.

Большинство учащихся этой школы не имеет возможности сдать нормативы по плаванию — негде, нет бассейна. Занятия по плаванию заменяются вольными движениями, волейболом и баскетболом. Но такую замену легко осуществить в расписании занятий. В жизни же она невозможна. Мало вероятно, чтобы тонущего человека, не обученного в свое время плавать, спасли вольные движения или умение играть в волейбол. Замена явно неравноценная.

То же самое происходит в этой школе с лыжами. По плану, в наступившей после зимних каникул третьей четверти учащиеся, начиная с четвертого и по десятые классы включительно, должны были заняться лыжной подготовкой. Но в школе нет ни одной пары лыж. К базе прикрепиться нельзя — в районе их нет. И вот план третьей четверти срывается. Лыжной подготовки школьники не получают. «Будем заменять ее,— говорит физрук школы,— гимнастикой и волейболом».

Такова картина в 178-й школе. Что же тогда делается в школах, не награжденных грамотами «за физкультурные достижения»? Каков здесь уровень физической подготовки? А вот каков. Среди учащихся, объединяемых школьными физкультурными коллективами,— только 15 процентов сдали нормы на значок ГТО 1-й и 2-й ступени. Ничтожное, непростительно малое число — капля в море!

Слабость спортивного воспитания школьников во всей полноте обнаруживается на различных соревнованиях. Нельзя без горечи читать, например, материалы об итогах Всесоюзных юношеских спортивных соревнований, проведенных в минувшем году. Две тысячи школьников приняли участие в этих соревнованиях. И что же? В состязаниях по восьми видам легкой атлетики—в беге на 400 метров, на 110 метров с барьерами, в прыжках в высоту, с шестом, в тройном прыжке, метании диска, копья, толкании ядра — ни один из участников соревнований **не достиг** результатов первого разряда.

3. Как же это случилось? Почему школа нередко выпускает физически слабо подготовленных школьников? Разве физкультуру в ней не преподают?

Нет, физкультура, как предмет, существует в школьных программах. Существуют и уроки физкультуры, и преподаватели физкультуры, и отметки за успеваемость. И тем не менее преподавание этого предмета, его постановка резко отличаются от преподавания других школьных дисциплин.

Если переход из класса в класс означает для школьника переход от одной ступени познания к другой, означает получение последовательно освоенного и завершенного комплекса знаний, то в отношении физической культуры этого нет.

В самом деле. Ведь такого не бывает, чтобы ученик 7-го класса, умеющий решать уравнения с неизвестными, не имел понятия о таблице умножения. То, что знает второклассник, — для семиклассника пройденный этап. А в физкультуре это, оказывается, совсем не обязательно. Десятилетний ученик четвертого класса превосходно бегает на лыжах, а четырнадцатилетний семиклассник не умеет держать в руках лыжные палки. Малыш-второклассник плавает и ныряет, как рыба, а усатый выпускник — в воде, как топор. При этом не умеющий плавать или не владеющий лыжами выпускник вовсе не рассматривается, как недоучка, а школа, не обучившая его этому,—как плохая. За это не несут никакой ответственности ни школа, ни Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта, ни Министерство просвещения.

4. Какой предмет может всерьез считаться учебным предметом, если преподавание его ведется без учебника, то есть без научно разработанных и педагогически продуманных основ? По физкультуре учебника не было, нет и пока не предвидится. Ни Академия педагогических наук, ни Центральный научно-исследовательский институт физической культуры такого учебника не создали, а министерства просвещения смирились с этим.

Никому и в голову не придет преподавать, скажем, географию без карты, глобуса или других обязательных учебных пособий. А вот физкультура в большинстве случаев преподается именно так.

Оснащение этого предмета учебными пособиями всецело зависит от симпатий или антипатий директора школы к физкультуре. Покровительствует директор спорту, есть в нем спортивная «закваска» — будут у школьников мяч, брусья и т. д. Недолюбливает — не будут...

По странным порядкам, средства для приобретения наглядных пособий выделяются школе без требования тратить определенную сумму на нужды физкультуры. И так как за успеваемость по физкультуре с директора школы никто по-серьезному не спрашивает, то он и тратит эти деньги чаще всего не на физкультуру.

В 598-й школе Свердловского района Москвы почти отсутствует спортивный инвентарь. Нет ни одного мяча, нет трамплинов, матов, гимнастической стенки. В 126-й школе Советского района столицы гимнастические упражнения, бег на месте и прочая «физкультура» проводятся в тесном и душном классе. А много ли таких школ? Много. В городе Горьком, например, менее трети школ полностью обеспечено спортивным инвентарем. Для большинства школ этого города спортивная площадка — редкость. И не только для этого города. Почти половина школ РСФСР не имеет спортивных площадок.

Преподаватель без специального образования — явление недопустимое или, во всяком случае, исключительное для любого школьного предмета. В физкультуре же это не исключение, а правило. У большинства преподавателей физкультуры отсутствует не только высшее специальное, но даже и среднее специальное образование. Вот цифры: в школах СССР преподавателей физкультуры с высшим образованием насчитывается 3,8 процента, со средним — 18,9 процента, с курсовой подготовкой — 26,4 процента, без специального образования — 50,9 процента. Таким образом, свыше 76 процентов учителей физкультуры не имеют среднего и высшего специального образования.

Физическое воспитание детей немыслимо без научно разработанных вопросов физиологии и гигиены школьника, без медицинского руководства и контроля. Но деятельность врача в школе сведена в большинстве своем к прививкам, смазыванию иодом случайных царапин и ссадин да к выдаче справок уезжающему в пионерлагерь школьнику.

Факты показывают, что руководящие органы здравоохранения проявляют непростительную беззаботность и равнодушие к судьбам физического воспитания детей, что они устранились не только от научного, но и от элементарного практического руководства и контроля за этим делом. Достаточно сказать, что разработка программы по физическому воспитанию в школе, в частности разработка последней программы, проходила без участия представителей органов здравоохранения и медицинской науки.

Неудовлетворительно поставлен и медицинский контроль за физическим воспитанием детей.

* * *

Характеризуя цели и задачи физического воспитания советского школьника, Михаил Иванович Калинин говорил в свое время следующее: «Мы хотим всесторонне развить человека, чтобы он умел хорошо бегать, плавать, быстро и красиво ходить, чтобы у него все органы были в порядке,— словом, чтобы он был нормальным, здоровым человеком, готовым к труду и обороне...»

Можем ли мы сказать сегодня, что система и уровень физического воспитания наших детей полностью соответствуют этой задаче? Могут ли наши основные, ответственные за это дело организации — министерства просвещения, здравоохранения и Комитет по делам физической культуры и спорта, не покривив душой, ответить на этот вопрос положительно? Нет, не могут. Факты и жизнь опровергнут их.

Но отвечать необходимо. Нельзя относиться формально к большому и серьезному делу физического воспитания подрастающего поколения.

С ЛЮБОВЬЮ — О МАЯКОВСКОМ

Любовь к творчеству Маяковского вошла в нашу жизнь. Восемнадцатилетние воспитаны на Маяковском школой; тридцатилетние пронесли любовь к поэту через фронты Отечественной войны; наших старших братьев еще четверть века назад навсегда покорил голос поэта-трибуна.

Книга Р. Григоряна «Владимир Маяковский» написана человеком, который любит Маяковского. Эта любовь придает его исследованию темперамент. Книгу Р. Григоряна интересно читать, и, за малыми исключениями, она не заставляет испытывать того чувства неловкости, которое возникает, когда от раскаленной строфы поэта переходишь к тепловатому комментарию.

Живая заинтересованность в творчестве Маяковского подсказала исследователю ясное построение книги. Главное внимание уделено тому, чем Маяковский дорог **сегодня** и будет дорог завтра **народу**, тому, что сделало его лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи.

Маяковский, как основоположник поэзии социалистического реализма,— такова тема исследования. Социалистический реализм изображается в книге не как раз и навсегда данная цель, к которой поэт всю жизнь только «приближался», а как исторически складывавшийся творческий метод советской литературы, создателем которого вместе с Горьким был и Маяковский.

Все, что связано с этим главным тезисом, составляет наиболее плодотворную часть исследования: характеристика «Мистерии-Буфф» и других произведений первых лет Октября, как важного этапа в борьбе за политически злободневное, идейное искусство; раздел, посвященный пропаганде лозунгов партии в поэтической лирике Маяковского, и, наконец, анализ наиболее значительных созданий — поэм «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», «Во весь голос», произведений, говорящих о месте поэта в рабочем строю, заграничных стихов.

Верно выбранное направление книги помогло автору правильно показать, с каким идейным противником постоянно боролся Маяковский. Это — аполитичность, обывательщина, трусость, ханжество, лицемерие, боязнь критики, низкопоклонство.

Заслуга исследователя в том, что на протяжении всей работы он последовательно подчеркивает **наступательный дух** творчества Маяковского и показывает, какое огромное значение для литературы сегодня имеет опыт поэта, умевшего, как никто другой, обнаружить, разоблачать и клеймить все, что мешает нашему движению вперед.

В главе «Отношение к классической литературе» Р. Григорян опровергает вредную легенду о нигилизме Маяковского в отношении к классическому наследию.

«...В одном из южных городов ко мне перед лекцией явился «чин», заявивший: «Имейте в виду, я не позволю вам говорить неодобрительно о деятельности начальства, ну, там Пушкина и вообще!»

Вот с этим очиновничаньем, с этим канонизированием писателей-просветителей... борются молодые».

Приведя это высказывание молодого Маяковского, Р. Григорян справедливо замечает: «...Маяковский совершенно четко заявлял, что он отрицает не настоящих, **живших ранее писателей-просветителей**, а выдуманных, очиновниченных, канонизированных «классиков».

Известно, что молодой Маяковский допускал и ошибочные высказывания о классиках. Р. Григорян прав, когда ищет ответа на вопрос о подлинном отношении Маяковского к классикам прежде всего в его творчестве. Убедительно анализируя «Юбилейное», критик с полным основанием пишет: «С какой лирической глубиной и искренностью говорит в этом стихотворении Маяковский с Пушкиным! Подобное чувство можно испытывать, говоря только с самым любимым, самым близким человеком».

Итак, действенная любовь к Маяковскому, понимание того, чем его творчество дорого народу, чем его опыт важен для сегодняшней литературы, правильный выбор идейного противника,— таковы основные достоинства книги. Это немало, и это в книге — главное.

Но при самом сочувственном отношении к работе Р. Григоряна мы не можем закрывать глаза на ее недостатки. Значительный раздел книги посвящен предреволюционному Маяковскому. Исследователь подчеркивает, какое решающее, переломное значение имела для творчества Маяковского революция, но отмечает также и то, какие особенности предреволюционного творчества поэта подготовили для него возможность стать после революции певцом атакующего класса.

«Дореволюционное творчество Маяковского было подвержено некоторым буржуазным и мелкобуржуазным влияниям, особенно группы футуристов. Но поэт умел преодолевать эти влияния. Творческое развитие Маяковского шло по восходящей линии... Для дореволюционного творчества Маяковского основным **типичным и органическим** является его подчеркнуто **антикапиталистический, демократический** характер...».

Точка зрения автора сформулирована вполне определенно, но эта определенность требует не меньшей определенности при разговоре об упомянутых им формалистических отклонениях Маяковского. Однако в главе «Начало литературной деятельности» это хорошее качество изменяет Р. Григоряну. Он пишет: «...Если откинуть эту формалистическую оболочку, то, в конце концов, декларация молодого Маяковского о «слове-самоцели» по сути своей являлась выражением той мысли, **что в искусстве, в литературе раскрывается новая страница, наступают новые времена, в которых надо писать новыми словами, в новой форме, новыми приемами»**. Не нужна в трактовке раннего Маяковского такая натяжка. Лозунг «самоцельности слова» формалистичен, как его ни комментировать.

Нужно ли сглаживать оговорками восторженные отзывы раннего Маяковского о Хлебникове? Не нужно. Есть в этой главе и другие натяжки такого же рода.

Об ошибках в предреволюционных теоретических высказываниях Маяковского нужно говорить прямо, как об ошибках. То, что он пришел к реализму в борьбе с этими ошибками, не умаляет Маяковского, как не умаляет Белинского то, что он был автором статьи «Менцель, критик Гете».

Самостоятельный раздел книги составляет работа «Маяковский и армянская литература». Учитывая, что это одна из первых работ на данную тему, ее нужно приветствовать, главным образом, за широту привлеченного материала, за стремление решить проблему на широком историко-литературном фоне.

Но в этой главе есть существенный недостаток. Ведя правильную полемику с теми, которые, «пребывая в плену узко групповых, приятельских отношений, лезут из кожи вон, чтобы закрепить монопольное право на звание продолжателя традиций Маяковского... лишь за тем или иным отдельным поэтом», Р. Григорян выдвигает, по меньшей мере, странный тезис. «...Если допустить на мгновение, что некий, обладающий указанными чертами нового, поэт не изучал и даже не читал Маяковского, все равно, он не избежал влияния его традиций, ибо они стали лучшими традициями всей советской литературы».

В основе этого утверждения лежит софизм: вся советская поэзия продолжает традиции Маяковского, Н — советский поэт, следовательно, Н — продолжатель традиций Маяковского.

Формальное опровержение этого софизма можно найти в школьном учебнике логики. Но важнее опровергнуть его по существу.

Есть в нашей поэзии явления передовые и явления отсталые? Да, они есть в поэзии, как и во всем, что живет и развивается. И существуют они не в безвоздушном пространстве, а в конкретном творчестве, в стихах вполне конкретных поэтов, в том числе и в творчестве видных поэтов.

«Проголосовать списком» всех действующих значительных поэтов в продолжатели Маяковского, значит закрыть глаза на реальные недостатки нашей поэзии, в том числе и армянской.

Но именно этот несостоятельный тезис приводит Р. Григоряна к огромным перечислительным спискам, делает эту часть работы наиболее пассивной и наименее содержательной.

Сергей ЛЬВОВ

Р. Григорян. «Владимир Маяковский». Айпетрат. Ереван. 1952 г. 437 стр. Перевод с армянского Е. Мелиновой.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

УДИВЛЯТЬСЯ НЕЧЕМУ

(Диалог писателей)

Последний, XIII пленум правления ССП закончился 3 февраля 1951 г.

— Как вырос мальчик твой! Как быстро
годы мчались!
Был крошкой, а теперь — усишки на губе...
— Ну, что тут странного? Мы где с тобой
расстались?
— Да на последнем пленуме правленья
ССП...

ТУТ НЕ ДО СМЕХА

«Хоть ты и в новой коже,
Да сердце у тебя все то же».

И. КРЫЛОВ

— Комедию долой! — кричал вчера
завлит,
Ревнитель бесконфликтного наследия.
Сегодня он кричит: — Комедию на щит! —
И там же, где и был, завлитом и сидит...
Не это ли типичная трагедия?

О ВЕДУЩИХ И ВЕДОМЫХ

— Ты кто? Ведомый иль ведущий? —
Спросил прозаика поэт.
— Не знаю, — тот сказал в ответ, —
Но я работающий. Сущий.

Идя со всеми наряду,
Служа отечеству родному,
Я, нашей партией ведомый,
Работу в меру сил веду.

Писателям любой величины
Не нужно выдавать чины...

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

По следам неопубликованных писем

В редакцию обратился с письмом читатель Я. Дворкин, сообщивший о безобразном поведении некоего П. Гаврутто, учинившего в нетрезвом виде скандал на улице.

Когда милиция призвала хулигана к порядку, он стал кричать:

— Вы меня не смеете трогать! Я писатель!

Как выяснила редакция, П. Гаврутто хотя и козыряет званием писателя, но в литературе ничем себя не проявил.

Его «литературный» багаж — это единственная повесть, написанная несколько лет назад и забракованная рядом ведущих издательств.

Другим «произведением» П. Гаврутто является его недобросовестная рецензия на роман писателя Л. Лагина «Патент АВ», опубликованная в «Комсомольской правде». Секретариат ССП, специально разбиравший это дело, осудил недобросовестные приемы П. Гаврутто и вынес решение, напечатанное 4 августа 1951 года в номере 92 «Литературной газеты».

Кроме того, П. Гаврутто рецензировал в Гослитиздате поступающие рукописи. Эти рецензии, нередко решающие судьбу произведения, в печати не публикуются, являясь внутриздательскими. Чем заслужил П. Гаврутто такое доверие в Гослитиздате, неизвестно.

Письмо читателя Я. Дворкина было направлено в Бауманский райком КПСС Москвы.

Секретарь райкома тов. Андреева сообщила редакции, что вопрос о поведении П. Гаврутто обсуждался на партбюро Гослитиздата, где П. Гаврутто состоит на партийном учете.

За недостойное поведение в общественном месте и непризнание своего непартийного поступка П. Гаврутто вынесено партвзыскание: строгий выговор с предупреждением, с занесением в учетную карточку.

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

«Я хочу сказать, как писатель, который должен прислушиваться к глухому биению человеческого сердца, как человек, переживший две мировые войны, видевший слишком много горя и развалин: нужно сделать все, что мы можем, больше, чем мы можем, но только спасти мир!» — говорил с трибуны Венского Конгресса народов в защиту мира советский делегат Илья Эренбург. И сотни людей, собравшихся со всех концов земли, встретили долгими аплодисментами и приветственными возгласами этот страстный призыв к миру, обращенный посланцем Советской страны ко всем, кому дороги жизнь и счастье человечества...

Советский писатель и борец за мир — понятия неотделимые. Ярким подтверждением этому является литературная и общественная деятельность И. Эренбурга. На двадцати пяти языках, далеко за рубежами Советского Союза, выходят его книги. В Вене и Стокгольме, в Париже и Копенгагене, в Монреале и Варшаве — во многих столицах и городах Европы, Азии, Америки с трибун многолюдных аудиторий, со страниц прогрессивных газет звучал голос советского писателя, выступающего в защиту мира, в защиту жизни и человеческой культуры, созданной трудом поколений, гневно обличающего заокеанских факельщиков новой войны.

В творчестве И. Эренбурга с присущей его таланту щедрой силой выражены те идеи социалистического гуманизма, идеи мира и демократии, которым беззаветно служит наша советская литература — питомица партии и народа. Романы и публицистические статьи Эренбурга, его беспощадные в своем уничтожающем сарказме памфлеты и страстные выступления на международных ассамблеях сторонников мира так тесно связаны внутренним единством мысли и чувства, что воспринимаются, как неповторимый в своем своеобразии дневник нашего времени, как живая летопись событий нашей эпохи. Она встает перед нами в произведениях писателя в ее самых существенных чертах, в характерных, разительных приметах и подробностях. Рассказ, который ведет писатель о ней, согрет трепетным чувством тревожного волнения за будущее мира и радостной уверенностью в торжестве жизни, света, созидания.

«Мы храним память, как щит,— писал Эренбург в 1945 году,— и мы не позволим ни саксофонам, ни краснобаям заглушить голос мертвых: мы не хотим, чтобы наши дети через десять, через двадцать или через тридцать лет пережили 22 июня». Я думаю о судьбе мира; ему едва исполнился месяц. Кто знает, как он нам дорог, этот долгожданный младенец! Мы не хотим, чтобы его заспали нерадивые няньки...»

Год от года неодолимо растут и крепнут силы лагеря мира, ширится движение борцов против угрозы новой войны, и слово большого художника все глубже, все полнее и ярче, на примере многих человеческих судеб, показывает этот исторический процесс в его бурном развитии. «Война — дело людей, и люди могут предотвратить войну»,— говорит Эренбург. «Мы отведем дуло от груди человека».

В романе «Девятый вал» писатель воссоздает широкую панораму борьбы за мир, на защиту которого поднимаются простые люди всех стран, люди разных взглядов и политических убеждений. Стокгольмская сессия, сбор подписей под Стокгольмским Воззванием, развернувшийся во многих странах, Варшавский Конгресс сторонников мира,— в главах, посвященных этим событиям, Эренбургу удалось передать сплоченность фронта мира, решимость людей, борющихся за мир и демократию. Уверенностью в окончательном торжестве правого дела дышат страницы этого романа.

С гневом и презрением пишет И. Эренбург о заокеанских претендентах на мировое господство, стремящихся опутать ложью народы и втянуть их в новую войну. На бесчисленных фактах и документальных свидетельствах он убедительно показывает, как чудовищно отвратительны в своей бесчеловечности пресловутый «американский образ жизни» и механическая долларовая «культура», развращающая сознание человека, растлевающая его душу, сеющая истерический страх перед будущим.

Разоблачение американского империализма, насаждающего фашистский режим в США, несущего человечеству войны и порабощение, голод и нищету, невежество и моральное одичание,— одна из главнейших тем в творчестве Эренбурга. «Бизнесмены хотят быть первыми,— писал Эренбург в 1949 году.— Как бы они не стали последними в глазах всех народов. Они выдают себя за «сверхчеловеков». Как бы они не лишились права называться людьми. Пример слишком свеж в памяти: юберменши * начали с нюрнбергских парадов, а кончили они нюрнбергской петлей». Писатель-патриот направляет меткие удары против космополитической пропаганды — этого отравленного оружия, которое широко применяют американские поджигатели войны в своих идеологических диверсиях.

С вдохновением, с чувством гордости и любви пишет Эренбург о социалистической Родине, о советском народе — неутомимом строителе нового мира, о стране, которая стоит во главе могучего лагеря мира, демократии и прогресса. «Часто люди спорят, кому принадлежит то или иное изобретение: случалось не раз, что ученые в разных странах одновременно бились над той же проблемой. Но вряд ли кто-нибудь осмелится оспаривать приоритет России в деле построения социализма»,— с чувством патриотической гордости за советскую Родину, за партию Ленина—Сталина говорил Эренбург в речи на Парижском Конгрессе сторонников мира.

Во вдохновенно написанной статье «Большие чувства» замечательно показана любовь народов к И. В. Сталину — мудрому вождю, который «обошел в своей походной шинели все дороги мира».

Эту проникнутую подлинно большими чувствами статью автор завершает образом кормчего, направляющего движение истории, образом, дорогим каждому советскому человеку:

«В неспокойную погоду на море у руля стоит капитан. Люди работают или отдыхают, смотрят на звезды или читают книгу. А на ветру, вглядываясь в темную ночь, стоит капитан. Велика его ответственность, велик его подвиг. Я часто думаю о человеке, который взял на себя огромный груз, думаю о тяжести, о мужестве, о величии. Много ветров на свете. Люди работают, сажают яблони, читают стихи или мирно спят. А он стоит у руля».

Деятельная борьба одного из виднейших советских писателей И. Эренбурга за мир, против черных сил международной реакции снискала ему любовь и уважение миллионов читателей в нашей стране и за ее рубежами. Сердечный отклик находит у них весть о присуждении И. Эренбургу высокой награды — международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

А. ТЕРТЕРЯН

* По-немецки — «сверхчеловеки»

В МУЗЕЕ А. С. СЕРАФИМОВИЧА

В течение всей своей замечательной жизни Александр Серафимович был связан с Доном, родным краем, где он родился и вырос, учился в гимназии, где жил под надзором полиции после отбытия ссылки.

В бывшей станице Усть-Медведицкой, ныне городе Серафимовиче, в густых вишневых садах, покрытых сейчас пышным снегом, стоит небольшой дом, в котором находится музей А. С. Серафимовича.

В шести залах музея показан шестидесятилетний творческий путь писателя. Собрано свыше трех тысяч экспонатов. Здесь хранятся различные издания его произведений, документы, рукописи, письма, личные вещи, библиотека.

Вот черновые рукописи «Железного потока», планы отдельных глав, различные варианты, материалы к роману. По ним можно получить яркое представление об огромной работе писателя над словом, фразой, диалогом, композицией.

В личной библиотеке А. Серафимовича находятся основные произведения классиков марксизма-ленинизма, энциклопедические словари и справочники, собрания произведений классиков русской литературы и советских авторов. Широко представлены иностранная художественная литература и книги по самым различным отраслям знания. Большинство книг содержит пометки писателя.

Представляют интерес и личные вещи писателя. Вот набор столярных и слесарных инструментов — подарок рабочих завода «Красное Сормово». Многочисленные походные и рыболовные принадлежности, компас, барометр, набор лесок, членский билет водно-моторного клуба в Москве — все это говорит о любви писателя к природе, путешествиям, спорту.

В фондах музея собрано значительное количество произведений изобразительного искусства: прекрасные акварели и рисунки, иллюстрирующие рассказы А. Серафимовича, пейзажи А. Грекова, эскиз художника Г. Савицкого к картине «Бой у Горбатого моста», портреты писателя.

Здесь хранятся и редкие фотографии писателя, относящиеся к различным периодам его жизни.

В 1952 году музей посетило около ста экскурсий. Особенно оживленно было летом, когда из различных городов страны съехались экскурсанты, чтобы принять участие в великолепных торжествах, посвященных открытию Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина. Многие заезжали к нам, чтобы побывать в городке, носящем славное имя творца «Железного потока».

В связи с исполняющимся 90-летием со дня рождения писателя мы создали передвижную выставку и направляем ее в хутор Рябичев-Задонский Романовского района, Ростовской области. Сюда в связи с образованием Цимлянского моря из станицы Нижне-Курмоярской перенесен дом, в котором родился А. Серафимович.

В. ГАФУРОВ,
директор Музея А. С. Серафимовича

г. СЕРАФИМОВИЧ.

Красота и правда

Заметки об опере Т. Хренникова «В бурю»

Кто из любителей музыки не помнит исполненного могучей силы и красоты «Intermezzo» М. Мусоргского? В. Стасов рассказывает о том, как родилась эта пьеса. Зимой 1861 года Мусоргский гостил у своей матери в деревне на Псковщине. Однажды в праздник, в солнечный день, увидел он толпу мужиков. Они медленно шагали по сугробам. «Это,— рассказывал композитор Стасову,— было все вместе и красиво, и живописно, и серьезно, и забавно...»

Как художника, Мусоргского поразила живописность этого ритмического движения; было и забавно так вот попросту глядеть со стороны, как неуклюж человек на глубоком снегу. Но взгляд мыслителя, гуманиста, большого художника не мог не увидеть в этой картине и другого... Одинокие, маленькие фигурки среди необозримой снежной равнины. Упорное движение, где каждый шаг достается с трудом. В этом было и что-то очень серьезное, идущее от судьбы этих людей, более значительное, нежели просто забавное шествие. Музыка не оставляет сомнений по этому поводу: в ней — и глубокое раздумье, и теплая, чуть-чуть ироническая улыбка, и суровая поступь мелодии. Вера в силу, в будущее этого неуклюжего, чудаковатого мужика, любовь и симпатия к нему — вот что поднимало «Intermezzo» над уровнем только музыкальной зарисовки с натуры.

Но музыка покоряла полнотой и теплотой именно потому, что в ней было «все вместе»: и мягкий юмор, и живописная красота, и глубоко затаенная боль за человека, мысль о человеке.

Богатство, содержательность духовного мира — вот чего еще не хватает нашей современной музыке.

У нас долго существовала в симфонической литературе «математическая» музыка — сухое, бездумное упражнение в контрапункте. Некоторые композиторы после известного постановления ЦК партии о музыке обратились к освоению народно-песенного лада. Но перестройка иной раз проходила формально. Обращение к классическому наследию не означает отказа от подлинного новаторства. «Математическую» музыку можно писать и с помощью логарифмической линейки модернизма и с помощью таблицы умножения старых школ. Музыки не будет и в том и в другом случае. Будет математика.

Думается, что опера Ю. Шапорина «Декабристы», если говорить о ее последней музыкальной редакции, неудачна. В «Декабристах» как будто есть и мелодии (хотя ни одну не запомнишь), и математически правильное симфоническое развитие, и арии, и хоры, и вальсы, и полонезы, и дуэты, и ансамбли — все, как в настоящей классической опере, а слушатель остается равнодушным: в музыке нет живого духа творчества, своего музыкального слова, нет характерности интонации, нет страсти. Все кажется взятым напрокат, все чужое, холодное, бесцветное.

В искусстве борьба «за простоту», «за красоту мелодии», «за следование классикам» и т. п. не может быть самоцелью. В искусстве решают два начала: творческая состоятельность и значительность идейного пафоса. Одностороннее же, неглубокое понимание традиции приводит к утрате ощущения современности, к эпигонству, которое ничуть не лучше левацкого модернизма.

О красоте музыки говорилось много. Читателям, наверное, памятно обсуждение вопроса о советской опере, которое развернулось на страницах «Литературной газеты». Справедливо требуя усиления мелодического начала в музыке современной оперы, И. Козловский скептически относился к возможности соединить красоту музыки с современной тематикой, взятой в реалистическом плане. Но мелодическое богатство русской оперы всегда шло рука об руку с реализмом.

Оперы Глинки родились в отрицании итальянской школы с ее внешней красивостью, а оперы Даргомыжского, Мусоргского и Чайковского далеко продвинули русское музыкальное искусство именно потому, что каждый из них внес **новое** в развитие реализма на оперной сцене. А. Даргомыжский с горечью писал о современных ему рутинерах: «Рутинный взгляд их ищет льстивых для слуха мелодий, за которыми я не гонюсь. Я не намерен снизводить для них музыку до забавы. Хочу, чтоб звук прямо выражал слово. **Хочу правды...»** (Выделено мной. — **В. О.**). В развитии русской реалистической оперы М. Мусоргский — создатель характера музыкальными средствами. Как далеко ушел он от М. Глинки в этом отношении, не утеряв ни красоты мелодии, ни гармонического богатства, ни ясности музыкального мышления, присущих родоначальнику русской музыки. А. В. Стасов мечтал о времени, «когда опера в руках будущих продолжателей Мусоргского будет становиться все реальнее и реальнее, как и все вообще будущее искусство».

Русская музыка всегда была человечной, правдивой и потому истинно красивой.

Обо всем этом хочется говорить в связи с возобновлением постановки оперы Т. Хренникова «В бурю» в театре им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Опера эта представляется нам удачей советской музыкальной культуры, подходом к практическому решению спора о путях развития советской оперы.

Принципиальным достоинством оперы «В бурю», посвященной показу классовой борьбы в первые годы советской власти в тамбовской деревне, является жизненная достоверность. Антоновщина, размежевание крестьянства, жестокое разочарование обманутых кулаками середняков, ходоки к Ленину за правдой, торжество этой правды — многое вместило действие оперы.

Но в том-то и драматургическая удача Н. Вирты, А. Файко и композитора Т. Хренникова, что столкновение социальных групп, что большие политические бури показаны через судьбы людские, выражены в типических образах.

Перед нами — кусок самой жизни, где есть место и красоте, и живописности, и серьезности, и шутке. Зарево горящих деревень. Напряженность ожидания прихода антоновцев в село Дворики. И сразу — два лагеря. Злобная радость Сторожева, надежды Фрола получить землю, стать на ней хозяином, растерянность бедняков, уход коммунистов в партизаны. И тут же молодая, горячая любовь батрака Леньки к дочери Фрола — Наташе. Это еще первая картина. Но все узлы уже завязаны.

Нелегки судьбы людей из народа, трудно достающееся им счастье... И в трудности этой, в показе своеобразия путей к большевистской правде есть хорошая честность художника-реалиста. Очень многое было уже в романе Н. Вирты «Одиночество», сюжет которого положен в основу либретто. Авторы не пошли в драматизации романа по пути наименьшего сопротивления. Они не «иллюстрировали» идейные линии, а перенесли в спектакль личные судьбы героев со всей их жизненной конкретностью и сложностью, в реальном переплетении их показали драматическое столкновение двух миров.

Это единственно правильный путь в реалистической опере.

Эпичность действия достигается не количеством статистов в массовых сценах, а глубиной проникновения в сущность народных интересов, степенью типизации образов основных героев, их характерностью. Показательно, например, сравнить основную редакцию оперы «Борис Годунов» с первоначальным ее вариантом. Большинство поправок Мусоргского сводилось к обогащению партитуры «характерными» номерами (песенка хозяйки корчмы, мамки — «Как комар дрова рубил», царевича — «Туру-туру — петушок», плач юродивого о бедной Руси и др.). Внешняя же монументальность и «историчность», рассчитанная на эффект, не может ввести в заблуждение. Так, декабристы Ю. Шапорина на протяжении всей оперы не раз появляются все вместе в одинаковых лосинах и блестящих эполетах, дружно звеня обнаженными шпагами, и клянутся пушкинскими стихами. Но одного от другого можно отличить только по тембру голоса. Их так и называют зрители — «Сливинский» или «Нэлепп»; ведь ни у одного из них нет в опере судьбы, нет характера.

«В бурю» — опера истинно русская, с широкой мелодической основой. Музыка ее поражает искренностью, правдивостью интонаций, психологической точностью.

Думается, что секрет русского национального характера в музыке следует искать не только в ладовом строе мелодии. Может быть, еще более глубоким проявлением его являются богатство и широта чувства, непосредственность и щедрость музыкального выражения.

В опере Т. Хренникова есть сцена, которая заставляет вспомнить лучшие страницы русской оперной литературы. Это третья картина. Мрачный хор мужиков и баб на площади перед штабом Антонова. И вдруг, прямо по сердцу, стонущий, раздирающий душу диссонанс меди в оркестре, как выкрик,— из штаба выталкивают окровавленных пленных. Расталкивая толпу, их уводят на расстрел. Снова хор. Он звучит теперь угрожающе. Снова и снова появляются пленные коммунисты. Допрос окончен. Выходит Антонов со штабными и любовницей Косовой. В оркестре появляется новая тема. Антонов храбрится: «Я, я один командую армией народа», но в сопровождающем его хоре штабных — испуг, растерянность. И вдруг — песня Антонова, полная глухой, звериной тоски. Ее, сначала робко, потом, проникаясь страшным отчаянием, подхватывают остальные бандиты:

Эх, доля, неволя,
Глухая тюрьма,
Долина, осина,
Могила темна!

Пьяные бандиты сгоняют народ и заставляют баб плясать перед Антоновым. Все быстрей и быстрей, в дикой отчаянной пляске кружатся бабы. В их глазах ужас, машинально-ритмически двигаются они, понукаемые свистом плеток. Это насильное движение все нарастает. Но теперь оно уже выражает протест, вызов. Кажется, это пляшут уже не ноги, а сама душа. Сколько здесь чисто русской удали и упорства! Это смелое переосмысление традиционного оперного танца — заслуга и композитора и балетмейстера Н. Холфина. Единое симфоническое развитие объединяет третью картину, придает ей большую цельность. Завершает сцену на площади развитие темы Фрола: «За что надругались надо мной, над седою моей головой...». Тема эта проходит у скрипок в сцене молитвы и гремит медью в момент народного волнения, достигая большого обобщающего смысла уже в последней картине оперы — в сцене убийства Фрола Сторожевым. Там она звучит гневно, твердо, жестко, как обещание неизбежной расплаты.

Т. Хренников удачно пользуется речитативом для изложения действия, противопоставляя его оркестру. Особенно большой выразительной силы достигает композитор в эпизоде ревности Наташи («Тиха я, безответна и кротка...») на фоне далекой песни антоновцев.

Оркестр все время участвует в развитии действия, то очень скупо и сдержанно «комментируя» его, как в прекрасной, полной глубокого драматизма сцене встречи Листрата и Леньки у матери, то мощно вступая в диалог с певцами в третьей и особенно четвертой картинах.

В опере есть превосходные музыкальные куски, запоминающиеся арии, правда, не очень развернутые (Сторожева «Идут с севера люди», Фрола «За что надругались», колыбельная и песня Леньки «Из-за леса светится», песня Антонова с хором). Ансамблей в опере мало. Интересно и по замыслу и по исполнению трио без слов Аксиньи, Листрата и Леньки. Еще не вполне примирившиеся братья и мать сели под стогом перед расставанием. Задумались. Тихая, какая-то нерешительная мелодия то сходится, то расходится, как их мысли. Каждый думает о своем и друг о друге. И засыпает Ленька, склонив голову на плечо брата. Запоминается также хор «Пахать бы теперь», полный какого-то затаенного, теплого ожидания мира и покоя. Кажется, измученной душой прислушивается человек к дыханию разомлевшей весенней земли...

Спектакль, поставленный П. Златогоровым и И. Марковым, восстановлен в новой редакции. Режиссеры П. Златогоров и Н. Кемарская, дирижер П. Славинский, главный хормейстер А. Степанов и художник Б. Волков создали хороший спектакль. Многих исполнителей хочется помянуть добрым словом. Особенно следует поблагодарить Т. Янко за чудесный образ старой Аксиньи. Как всегда, на высоте В. Канделаки (Сторожев). Очень тепло, выразительно поет Наташу Д. Потаповская. Много обаяния у В. Радзиевского (Ленька). Острый, характерный рисунок роли показали Н. Михеев (Антонов) и К. Белевцева, талантливо сыгравшая Косову. Трудную, ответственную партию Фрола неплохо поет молодой артист Г. Дударев. Но В. Андриевский показал в этой роли больше мужества и темперамента.

Листрат — слабое место оперы. Кроме второй картины, ему почти не дано на сцене настоящего дела. Артисты А. Аникиенко и Ю. Юницкий в меру сил своих оживили этот образ, но «спасти» его, разумеется, не смогли. По вине авторов он остается сухим и условным.

Отдельно хочется сказать о пятой картине, которая в стилевом отношении несколько отличается от других. Сцена в Кремле дана скорее приближенно к драматическому спектаклю. Артист И. Петров тактично играет роль В. И. Ленина.

В драматургическом отношении слаб финал оперы. После рассказа Фрола и его друга Андрея (артист Н. Кедров) о том, как они ходили к Ленину, после убийства Фрола действие оперы, собственно, сводится к договариванию судьбы Сторожева. Это просчет и авторов и постановщика. Финал требует доработки. Тогда спектакль будет смотреться с одинаково захватывающим интересом до самого конца.

Успех оперы «В бурю» — неопровержимое свидетельство того, что путь к решению спора о будущем советской оперы лежит через реалистическое освоение нового материала на оперной сцене, что красота музыки неотделима от человечности идеи, от характерности музыкального образа. Красота и правда — неразделимы.

Владимир ОГНЕВ

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ БРУКИНГСКОГО ИНСТИТУТА

Проф. Н. ЛЮБИМОВ

1. Кто владеет Америкой

Не так давно газета «Нью-Йорк таймс» — один из главных печатных рупоров монополий США — с ликованием объявила: в руках американских экономистов имеются «точные и конкретные данные для того, чтобы показать ошибочность одной из излюбленных пропагандистских установок газеты «Правда», т. е. ошибочность того, что американская экономика в основном принадлежит небольшой группе уолл-стритовских капиталистов, которые распоряжаются ею».

Поводом для подобного «сенсационного» заявления «Нью-Йорк таймс» послужил опубликованный еще летом 1952 года доклад Брукингского института в Вашингтоне, содержащий результаты предпринятого этим институтом оригинального экономического обследования. Авторы этого доклада пытаются доказать, что американские корпорации отнюдь якобы не находятся под безраздельным контролем пресловутой «тысячи американцев», а принадлежат будто бы самым широким слоям населения США.

На каком же основании сделан такой вывод?

А на очень простом: ученые мужи из Брукингского института в своем докладе утверждают, что, по данным проведенного ими обследования в США, имеется около 6,5 миллиона акционеров, иначе говоря, людей, владеющих акциями (т. е. документом о приобретении какой-то доли капитала акционерного общества). При этом «объективность» вашингтонских «исследователей» простирается так далеко, что, по их собственному признанию, обследование «касалось лишь самого факта владения. Не задавалось никаких вопросов в отношении суммы и количества акций...»

Конечно, на такой «научной» основе можно притти к сногсшибательным выводам. Намеренно уклоняясь от выяснения самых важных сведений, которые позволили бы установить действительное экономическое положение держателей акций, «исследователи» из Брукингского института огульно зачисляют во «владельцы» корпораций любого гражданина США, купившего хотя бы одну акцию какой-либо монополии! Неважно, таким образом, владеет ли м-р Морган десятками тысяч акций на миллиарды долларов, а м-р Джон Смит — случайно приобретенной долькой акции стоимостью в десять долларов: оба они — с легкой руки Брукингского института — являются равноправными владельцами капиталистического хозяйства США...

Читатель, пожалуй, может подумать, что мы намеренно сгущаем краски. Отнюдь нет! Достаточно сослаться на те комментарии, которыми сопроводила доклад Брукингского института буржуазная пресса США. Та же газета «Нью-Йорк таймс», расписывая идиллическую картину «демократизации» американского капитализма, пошла еще дальше данных Брукингского института и объявила «капиталистом» любого гражданина США, который имеет несколько десятков долларов сбережений или хотя бы полис страхования жизни. «Все эти десятки миллионов людей, — заявляет буквально газета, — являются косвенно (!—**Н. Л.**) владельцами американских корпораций»...

Эта пропагандистская кампания была развернута и на страницах журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин»; здесь выступил некий Адольф А. Бербл младший, правительственный эксперт, юрист и преподаватель права. В статье, озаглавленной «**Наши капиталисты** (советский взгляд и действительность)», он также пытается полемизировать с советской печатью и «доказывает», что в США четыре пятых всех семей являются «владельцами» корпораций. В том же духе откликнулся на доклад Брукингского института и другой орган монополий — «Уолл-стрит джорнэл». Эта газета прямо заявила: «Теперь все те, кого убедили в том, что американская промышленность и коммунальные предприятия являются собственностью алчных богачей, должны изменить свое мнение».

И, наконец, вот «мораль» из пропагандистских басен, распространяемых Брукингским институтом, которую изо всех сил пытается внушить миллионам рядовых граждан США «Нью-Йорк таймс»: «В Соединенных Штатах собственность стала таким распространенным явлением, — патетически восклицает газета, — о каком и не мечтали Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Америка принадлежит нам, американцам, и всем нам выгодно процветание крупных корпораций, деятельность которых стала возможной благодаря нашим сбережениям»...

Вот, оказывается, как далеко рассчитана идеологическая диверсия «исследователей» из Брукингского института — они пытаются «опровергнуть» — ни более, ни менее! — марксизм. Американские гангстеры пера осмеливаются писать о Марксе и Энгельсе! Жалкие пигмеи! Поистине, их цинизм может соперничать только с их невежеством и тупостью. Они силятся объявить «недействительными» открытые Марксом и Энгельсом законы развития капиталистического общества, основанного на беспощадной эксплуатации широких масс трудящихся кучкой капиталистов!

Секрет такого рвения присяжных «теоретиков» из Брукингского института выболтал английский журнал «Стейтист». Как сообщил нью-йоркский корреспондент этого журнала, «исследовательская» вылазка Брукингского института была проведена по заказу президента нью-йоркской фондовой биржи Фанстона, который «оказал всяческое содействие обследованию»... «Стейтист» достаточно ясно изложил и те мотивы, которыми руководствовались Фанстон и его подручные. Это высказывание английского умеренно консервативного журнала настолько выразительно, что мы позволим себе привести его целиком.

«Кто владеет Америкой?» — спрашивает журнал «Стейтист». И отвечает: «В наше время, когда Соединенные Штаты являются единственным знаменосцем капиталистического общества, это не академический вопрос. Критики капитализма, независимо от позиции, с которой они критикуют, и независимо от предлагаемых ими изменений, основывают свои обвинения на той предпосылке, что капиталистическое общество эксплуатирует массы в корыстных интересах незначительной кучки. Нападки на наглых, злых магнатов Уолл-стрита и их зловещие операции исходят не только из Москвы.

Уолл-стрит весьма чувствителен к этим нападкам. Его обитатели некоторое время тому назад пришли к выводу, что лучшим ответом на эти нападки явится возможность показать, что Америкой, если говорить о корпорациях, составляющих ее жизненную силу, в действительности владеет рядовой гражданин. Они хотели бы получить возможность провозгласить, что «Уолл-стрит принадлежит Мэйн-стриту» (т. е. народным массам.— **Н. Л.**).

Именно этой цели и служат фальсифицированные «данные», приводимые в докладе Брукингского института. Однако даже журнал «Стейтист», пытающийся всячески поддержать тезис о желательности и возможности «демократизации» капитализма, вынужден был заявить о «доказательствах», добытых Брукингским институтом: «Они неубедительны, и это, пожалуй, никого не удивит».

Идеологи капитализма давно уже бьются над поисками средств, которые могли бы в глазах народных масс замаскировать звериную природу буржуазного общества. Миф о «демократизации» монополистического капитализма путем широкого распространения среди населения акций, выпускаемых компаниями и корпорациями, тоже не нов. Его разоблачил еще в 1916 году В. И. Ленин, писавший тогда: «Демократизация» владения акциями, от которой буржуазные софисты и оппортунистические «тоже-социал-демократы» ожидают (или уверяют, что ожидают) «демократизации капитала», усиления роли и значения мелкого производства и т. п., на деле есть один из способов усиления мощи финансовой олигархии».

Нынешняя американская действительность с новой силой подтверждает полную справедливость этого ленинского положения. Весьма характерно, что даже данные официальных учреждений США, отнюдь не склонных публиковать исчерпывающую информацию о делах монополий, полностью разоблачают попытки Брукингского института выдать черное за белое. Возьмем, к примеру, сведения о распределении акций между различными группами держателей, опубликованные в сентябрьском номере бюллетеня федерального резервного управления США.

Признания, содержащиеся в докладе этого управления, достаточно красноречивы.

Первое признание: **93 процента американских семей вообще не имеют никаких акций;** из остальных же 7 процентов, владеющих акциями, большинству принадлежит «относительно небольшое число акций», как об этом с понятной «скромностью» повествует бюллетень.

Второе признание: по крайней мере **2/3 всех выпущенных в США акций принадлежат 1 проценту американских семей.**

Третье признание (самое неприятное для заокеанских мастеров фальсифицированных анкет и «выборочных» опросов): **99 процентов неквалифицированных рабочих и 95 процентов квалифицированных и полуквалифицированных рабочих не имеют никаких акций.**

Может, естественно, возникнуть вопрос: почему же прислужники монополий из федерального резервного управления не сговорились со своими коллегами из Брукингского института? Но это — обычное явление. Все дело в том, что каждый из этих докладов адресован различной аудитории; бюллетень федерального резервного управления предназначен «деловым людям» и не имеет хождения в широких кругах читателей, а стряпня Брукингского института, шумно разрекламированная печатью монополий, как раз и предназначена для обмана миллионов рядовых американцев.

Клика уолл-стритовских магнатов, подмявшая под себя экономику крупнейшей капиталистической страны, обогащается за счет безудержной гонки вооружений, нещадной эксплуатации американских трудящихся и ограбления народов зависимых от США стран. Это реальный факт. А вот шесть с половиной миллионов «акционеров», которым, как высокопарно заявляют реакционные газеты, «принадлежит» якобы «корпорация Америка», — это миф, созданный пропагандистами монополий.

2. Как грабят с помощью акций

О чем же, однако, свидетельствует цифра — 6,5 миллиона держателей акций, — опубликованная Брукингским институтом? Конечно, не о наличии «демократизации» капитала в США, а о широчайших масштабах ограбления американских масс — прежде всего мелкой буржуазии — заправилами монополий с помощью выпуска акций для продажи «всем желающим».

...Перед мрачноватым зданием с мраморной табличкой «Национальный банк» — толпа взволнованных, охваченных паникой людей. Воздух сотрясают тысячи выкриков, проклятий. Эти люди в растерзанной одежде, с лицами, на которых написано отчаяние, кого-то неведомого безнадежно молят о пощаде, кого-то проклинают в бессильной ярости... Их обезумевшие глаза прикованы к лаконичному объявлению, висящему на запертых дверях банка: «Платежи прекращены».

Что же здесь происходит?

Сцены, подобные описанной выше, можно найти во многих произведениях американских писателей-реалистов, например, в замечательных романах Теодора Драйзера, мастерски воссоздавшего в «Финансисте», «Титане» и других своих книгах подлинную картину обогащения капиталистических хищников. Подобная сцена — лишь обычный в США эпизод очередной биржевой паники, когда цены на акции стремительно падают в 10—20 раз ниже первоначальной цены.

Для десятков тысяч мелких держателей, вложивших с трудом накопленные деньги в акции, это — крах, гибель, конец всех жизненных перспектив... А для воротил монополий — это лишь обычная «игра на понижение», когда крупные бизнесмены скупают по дешевке акции мелких держателей.

Через некоторое время те же монополисты, заправляющие на бирже, снова вздуют цены на акции, прибирая к рукам новые жертвы, отнимая сбережения еще у многих и многих тысяч мелких собственников. Это уже будет «игра на повышение». Но результат остается все тем же — миллиардеры соберут новый урожай долларов!

Это явление получило название «фондовой экспроприации», оно стало одним из орудий обогащения монополий. Подобная «экспроприация» принимает особенно грандиозные размеры в период экономических кризисов — так было, например, в 1929—1933 годах. В 1948—1949 годах также происходило сильное падение акций на биржах США. Это еще раз дало возможность биржевым волкам обобрать до нитки мелких держателей ценных бумаг.

Наряду с акционерными обществами, прибирающими к рукам сбережения миллионов мелких собственников, так сказать, в рамках буржуазной законности, биржевые спекулянты нередко прибегают к созданию дутых акционерных обществ, основной капитал которых вообще не обеспечен никакими ценностями. Выпустив в продажу акции подобного «общества», они попросту обворовывают широкую публику. В момент неизбежного краха такого фиктивного общества деньги, вложенные мелкими держателями в акции, им уже не возвращаются — они остаются в карманах «учредителей».

3. Тридцать два цента и 14.423 доллара

Держатель одной или нескольких акций — жертва (а таких жертв, как свидетельствует Брукингский институт, миллионы!) хозяев монополий. Вовлечение в биржевую игру сбережений мелких собственников позволяет банкирам и крупным спекулянтам-финансистам, как говорят на своем жаргоне «деловые люди», стричь биржевых «овец», отнюдь не делясь с ними прибылями.

В Соединенных Штатах компании и тресты с акционерным капиталом составляют господствующую форму предприятий. Широкое распространение акций различных компаний и корпораций является основным способом выкачивания сбережений, имеющихся у некоторых слоев населения. Крупные монополии мобилизуют таким путем миллионы не принадлежащих им долларов для своих операций. На эту удочку попадаются обычно люди, мечтающие путем покупки нескольких акций выгодно «поместить» свои незначительные, по большей части с трудом накопленные сбережения, — мелкие торговцы, служащие ресторанов, фермеры. Сюда же относится и незначительная прослойка „высокооплачиваемых рабочих из так называемой «рабочей аристократии».

Десятки миллионов трудящихся США, и это вынуждена признавать даже официальная статистика, не могут делать никаких сбережений, ибо их жизненный уровень урезан до голодного минимума капиталистической эксплуатацией на производстве, высокими налогами и ценами. У тех же слоев населения, которые все же имеют кое-какие сбережения, монополисты выкачивают эти «свободные» деньги путем широкой продажи акций. Такая система позволяет крупным капиталистам мобилизовать для своих операций значительные средства на весьма выгодных для себя условиях — выкачка средств у населения является наиболее дешевым кредитом, который где-либо могут получить капиталисты!

Надо также учесть, что тот ничтожный процент, который монополисты выделяют в качестве «вознаграждения» мелким держателям, с лихвой окупается. Ведь эти деньги играют важнейшую роль в развращении широких кругов американского населения буржуазной идеологией. Недаром правящие круги США настойчиво распространяют гнусные иллюзии относительно «возможности» превращения каждого американца в... миллионера. На протяжении десятков лет буржуазная печать, а также все прочие средства пропаганды, находящиеся в распоряжении Уолл-стрита, вколачивают в головы рядовых американцев, что каждый из них имеет якобы «шанс» стать богачом. И миллионы мелких собственников попадаются на эту приманку — «а вдруг?..». Небольшой куш акций составляет также и один из видов «подкормки» профсоюзных боссов и прочих предателей, вербуемых из рядов «рабочей аристократии».

В любом акционерном обществе США занимают господствующее положение крупные капиталисты, обладающие контрольными пакетами акций.

Бесспорный факт, что во всех отраслях экономики США **небольшая группа акционеров владеет гораздо большей суммой акций, нежели десятки и сотни тысяч мелких и средних держателей.** Можно сослаться, например, на доклад временной экономической комиссии американского правительства о концентрации экономики в период второй мировой войны, внесенный в материалы 79-го конгресса США. В этом докладе сказано, что половина всех средств американских корпораций принадлежит не более чем 75 тысячам человек. Эта же комиссия сообщила, что в течение 1927—1937 годов около 60 процентов всех прибылей по акциям получил лишь 1 процент общего числа семей США.

К моменту окончания второй мировой войны концентрация прибылей в руках небольшой кучки магнатов финансового капитала приняла еще большие размеры. Так, в июле 1948 года журнал «Экономик аутлук» писал, основываясь на данных министерства финансов США за 1945 год, что 38 миллионов человек с годовым доходом менее 3 тысяч долларов получали в виде процентов и дивидендов в среднем всего лишь 17 долларов в год, т. е. 32 цента в неделю. А 71 человек, с годовым доходом свыше 1 миллиона долларов у каждого, получали в среднем 750 тысяч долларов в год, или 14 423 доллара в неделю. Надо ли комментировать разницу между 32 центами и 14 423 долларами в неделю?

4. Старая погудка на новый лад

Проповедь «классового мира» между богачами и нищими, проповедь «сотрудничества» между эксплуататорами и эксплуатируемыми, с которой, по сути дела, выступил Брукингский институт, давно уже используется под различными этикетками правящими кругами США, Англии и других капиталистических стран для обмана народных масс. Еще после первой мировой войны крупный британский финансовый магнат Монд проповедовал «мир в промышленности». Монд утверждал, что в Англии нет никакого антагонизма между предпринимателями и рабочими, составляющими «единую семью» английского народа. Проповедь Монда была призвана обмануть рабочих, заставить их отказаться от классовой борьбы, сделать их покорными слугами монополистического капитала.

И отнюдь не случайно теорийку «мира в промышленности» столь возлюбила гитлеровская верхушка — фашистские «теоретики» и практики фашизма, вроде д-ра Лея, главаря так называемого «трудового фронта» в гитлеровской Германии. Лей организовал в широких размерах принудительную подписку рабочих и служащих на акции предприятий, принадлежавших угольным баронам, стальным и пушечным королям. Кроме того, фашистская администрация вычитала из зарплаты рабочих и служащих определенные суммы, так называемые «железные сбережения». Эти деньги шли на финансирование гитлеровской военной машины и должны были якобы быть возвращены после войны.

Часто забывают о том, что гитлеровские заправилы во многом позаимствовали все эти приемы и методы из повседневной практики финансовых магнатов США, которые в течение многих десятилетий непрерывно совершенствовали разнообразные способы выкачивания денег из эксплуатируемого народа. Ныне в США, открыто возглавивших лагерь реакции, агрессии и войны, эта чудовищная машина изощренного экономического грабежа и выдается идеологами Уолл-стрита за «демократический капитализм»!

Одним из характернейших приемов американских монополий, в котором выгодно (для капиталистов!) сочетаются дополнительный источник ограбления трудящихся с попыткой их идеологического растления, является привлечение рабочих и служащих к «участию в прибылях». Это делается путем навязывания им акций данной фирмы или компании. Такие «держатели» акций и фигурируют в докладе Брукингского института в числе символических «капиталистов», владеющих 1—2 акциями. Рабочим навязывают и так называемые «шеры» (дольки акций в 10 долларов и т. п.). Для примера обратимся к практике моргановской «Американской телеграфной и телефонной компании». Она насчитывает более миллиона держателей акций. Еще в 1947 году компания обязала всех своих сотрудников приобретать у нее акции. Продажа акций сотрудникам рассматривается, таким образом, как средство внедрения и укрепления идеи «классового сотрудничества» рабочих и предпринимателей.

Ярыми защитниками и рекламными агентами идеи «классового мира» являются преданнейшие прислужники Уолл-стрита — правые социалисты. Они приложили немало трудов, чтобы подвести «теоретическую основу» под эту буржуазную ложь, чтобы обмануть миллионы трудящихся в странах капитализма, заставить их примириться с империалистическим рабством. «Ни марксизма, ни материализма, ни борьбы классов мы не признаем», — цинично заявляет один из право-лейбористских боссов Морган Филлипс, являющийся в то же время председателем так называемого «социалистического интернационала».

Право-социалистические прислужники американского империализма всячески восхваляют капиталистическую Америку. Так, французский правый социалист Андре Филип в газете «Попюлер» утверждает, будто бы в США капитализм «никогда не носил буржуазного характера» и что якобы «в США и теперь не существует никакой социальной дифференциации». Правые социалисты в Западной Европе и в Азии болтают о замене капитализма неким «демократическим социализмом», который на поверку, как две капли воды, схож с «демократическим капитализмом» уолл-стритовских воротил. Проповедуя отказ от классовой борьбы, отравляя рабочее движение ядом буржуазной идеологии, правые социалисты вонзают нож в спину рабочего класса.

«Теоретические» выкладки право-социалистических лакеев и ученых прислужников монополий призваны также поддержать и популяризировать в широких массах миф о «демократизации» капитала. А заправилы монополий США придают этому мифу немалое значение. По их расчетам, внедрение «идеи участия в прибылях» позволит им еще успешнее грабить народ и одновременно прививать широким массам буржуазную идеологию.

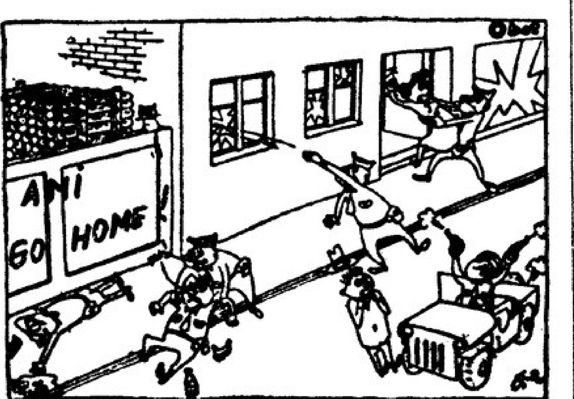
«Внушить эту идею, — заявляет тот же английский журнал «Стейтист», — такова цель г-на Фанстона (упоминавшегося уже нами президента нью-йоркской биржи. — **Н. Л.**) и его соратников».

В погоне за наивысшими прибылями американские монополии, целиком подчинившие себе государственный аппарат, прибегают к различным приемам маскировки своих подлинных целей и намерений. Проповедь «мира в промышленности», классового «мира» и «демократического капитализма», фальшивая пропаганда превращения обнищавших пролетариев в «капиталистов» входят в арсенал испытанных средств монополистов и их лакеев — профсоюзных боссов, деятелей продажной прессы и жрецов лженауки. Именно к числу последних и принадлежат идеологические диверсанты из Брукингского института.

Международная почта

ЯНКИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Во всех странах, оккупированных янки-империалистами, продолжаются бесчинства американской военщины.

— Джимми!.. Скажи, где мы, собственно говоря, находимся? В Англии, Франции, Германии или Японии?..
— Стреляй, Дик!. После разберемся!..

Рисунок худ. Шмитта из немецкой газеты «Берлинер цейтунг»

КАЛЕНДАРЬ РЕВАНШИСТОВ

Среди массовых западногерманских изданий, пропагандирующих (с полного одобрения американских оккупационных властей) идею возрождения гитлеровского вермахта, особого внимания заслуживает недавно вышедший в свет «Немецкий солдатский календарь на 1953 год».

«Солдатский календарь» издан громадным тиражом. На его обложке изображен солдат гитлеровской армии в стальном шлеме, обрамленный символической лавровой веткой. В предисловии, написанном военными преступниками небезызвестным генералом Гудерианом и адмиралом Ганзеном, многозначительно подчеркивается: календарь должен «воскресить воспоминания о прошедшем» и вместе с тем «направить взгляд в будущее». Авторы предисловия указывают, что издание это посвящается всем тем, «кто еще томится в тюремных стенах». И чтобы не оставалось сомнений в том, кто имеется в виду, сразу же вслед за предисловием помещена фотография одного из «наибольших мучеников» — бывшего фашистского генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна в военном мундире при всех орденах.

В календаре безудержно восхваляется гитлеровская армия, солдаты которой якобы были «идеальными» во всех отношениях.

Приговор Нюрнбергского трибунала для авторов календаря — акт «бесчестия». Редакция оплакивает «трагический конец некоторых генералов вермахта». Однако следует надеяться, говорится далее в тоне плохо скрытой угрозы, что молчание гитлеровских солдат не продлится долго — им уже «указан дальнейший путь, ведущий к сильной Европе».

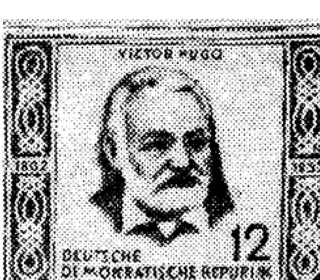
Показательна рубрика «Памятные дни», в которую включены, как праздничные дни, даты наиболее кровавых преступлений гитлеровской армии. Помещены в книге многочисленные фотографии «корифеев немецкого солдатского духа», вроде военных преступников Деница, Рундштедта и Кессельринга.

Этот «Солдатский календарь» — яркий образчик самой беззастенчивой и наглой милитаристской пропаганды, процветающей сейчас в Западной Германии. Он в то же время является плодом тех неустанных забот, которыми американские оккупационные власти окружают распоясавшихся западногерманских реваншистов.

ОСЕЧКА

Изданный в 1951 году в Париже «Ежегодник прессы» утверждает, что американское агентство Кистоун — это «прославленное на весь мир фотоагентство, обладающее возможностями поставлять в кратчайший срок известия из-за границы, снабжать печать статьями, репортажем и документами самого сенсационного характера».

Ныне агентству вменена, повидимому, в обязанность не только пропаганда американского образа жизни, но и всяческая реклама «достижений» стран, опекаемых янки-империалистами. Но беда в том, что действительность этих стран дает для этого весьма мало пригодного материала.

Французская газета «Юманите - диманш» привела великолепный пример деятельности агентства Кистоун. Агентство решило поведать миру о том, каким почетом якобы пользуются в Западной Германии классики мировой литературы, в частности, великий французский писатель Виктор Гюго. В качестве вещественного доказательства фотоагентство распространило изображение почтовой марки с портретом Гюго, сочинив к ней следующую подпись: «В Западной Германии Виктор Гюго в почете. Почта Западной Германии создала новую марку в честь Виктора Гюго».

Но произошла осечка. Агентство Кистоун было уличено в подлоге. Дело в том, что оно пренебрегло одной «деталью», которой не следовало пренебрегать. На марке отчетливо видна надпись: **«Германская Демократическая Республика»!** Именно там, а не в Западной Германии и была выпущена в ознаменование 150-летия со дня рождения Гюго эта марка.

Описанный случай характеризует методы работы «прославленных на весь мир» американских буржуазных агентств.

УБИТ ВО ВЬЕТНАМЕ...

То одна, то другая итальянская семья получает из Франции от военных властей извещение со скорбными словами: «Убит во Вьетнаме»... О ком идет речь, какое отношение имеет Италия к «грязной войне» французских колонизаторов во Вьетнаме? Речь идет о молодых итальянцах, которые поддались уговорам вербовщиков, вступили во французский иностранный легион и, посланные в качестве ландскнехтов в Индо-Китай, нашли там свою гибель.

Как все это происходит, можно проследить на примере двадцатилетнего итальянца из города Терамо — Эмилио Дженовези, о судьбе которого рассказала газета «Унита».

Траурное извещение, полученное старым Гастоном Дженовези, было первым и последним известием от сына, который летом 1951 года покинул родной город и отправился искать работу. Но в Италии и без Эмилио Дженовези было более двух миллионов безработных. Отчаявшись найти работу на родине, он решил испытать счастье во Франции. Вместе с тремя товарищами Эмилио, после долгих блужданий в горах, перешел французскую границу.

Однако и во Франции дела обстояли не лучше: устроиться куда-либо оказалось невозможным. Вскоре измученных и голодных юношей арестовала полиция. Они были поставлены перед выбором: либо вернуться в Италию и попасть в тюрьму за нелегальный переход границы, либо вступить в иностранный легион — вербовщики сулили им сытую и привольную жизнь. Так безработный итальянский юноша Эмилио Дженовези стал наемником французских колонизаторов. В составе 1-го батальона 5-го пехотного полка иностранного легиона он воевал против борющегося за свободу и независимость вьетнамского народа и пал бесславной смертью наемного солдата империалистов.

«Он погиб, — пишет газета «Унита», — не во имя защиты родины, не во имя благородного и правого дела. Он погиб потому, что его родная страна не могла дать ему ничего, кроме беспросветной нужды. Теперь, похороненный на берегу Черной реки, которую уже форсировали победоносные войска Народной армии Вьетнама, Эмилио Дженовези взывает: нужно сделать так, чтобы никому не пришлось следовать за ним по пути, продиктованному нищетой и отчаянием».

ПИРАТЫ XX ВЕКА

Недалеко от берегов Испании, в открытом море, не так давно произошло необычайное событие. Голландское судно «Комбинатик», шедшее с грузом сигарет, подверглось нападению... пиратов! Как сообщает австрийская газета «Эстеррейхише фольксштимме», пираты подошли к «Комбинатику», взяли его на абордаж и завладели грузом стоимостью в 100.000 долларов.

В середине XX века пираты в европейских водах — явление не частое. Вполне естественно, что происшествие наделало много шума. На ноги была поставлена полиция ряда стран. Предпринятые розыски дали результаты: удалось задержать судно «Эсме», оказавшееся тем самым пиратским кораблем, который ограбил «Комбинатик».

Выяснились любопытные детали деятельности пиратов XX века. Судно «Эсме» принадлежало группе спекулянтов и авантюристов, возглавляемой американцем Форестом. Его ближайшим помощником был другой янки — Сидней Х. Пейли, хорошо известный в Танжере «почтенный американский коммерсант», владелец фабрики нейлонового белья. Форест и Пейли специально снарядили «Эсме» для пиратских набегов...

В погоне за наживой американские бизнесмены готовы пользоваться любыми приемами грабежа, в том числе и средневековыми!

Каждый день этот западногерманский безработный запускает то в одном, то в другом месте Гамбурга воздушного змея с надписью: «Я ИЩУ РАБОТУ». Но даже этот экстравагантный способ поисков работы не приносит желаемых результатов — работы нет...

Снимок из австрийского журнала «Вельт-иллюстрирте»

Смесъ

Мрачное пророчество. Австрийский министр социального обеспечения Майзель неожиданно разоткровенничался. В новогоднем послании, опубликованном в «Прессединст ЭГБ» — информационном бюллетене австрийских профсоюзов, он заявил: «Уже в прошедшем году ясно обозначилась угроза, нависшая над 1953 годом. Нам предстоит кризис сбыта, сокращение инвестиций, ограничение жилищного строительства, сокращение государственных пособий на социальное обеспечение, безработица. К сожалению, не приходится рассчитывать на то, что существующие сейчас трудности смогут быть ликвидированы в ближайшее время». Можно представить, какие тяготы ожидают австрийских трудящихся в 1953 году, если министр заговорил в таком тоне!

Тренировка налогоплательщика. Администраторы, ведающие в США сбором налогов с населения, решили, что тренировка будущего налогоплательщика должна начинаться... со школьного возраста. Так, очевидно, и договорились с органами просвещения. И вот журнал «Ньюсуик» пишет: «Подростки теперь научатся заполнять анкету налогоплательщика, находясь еще в средней школе. Управление внутренних сборов (отдел министерства финансов США, ведающий, в частности, взиманием налогов.— **Прим. ред.**) подготовило курс, посвященный этому предмету, и вскоре разошлет учебные пособия директорам школ по всей стране».

Это сообщение «Ньюсуик» глубокомысленно озаглавил: «Чем раньше, тем лучше».

Ясная перспектива. В самом начале 1953 года турецкие власти оповестили население, в каком направлении будут развиваться их усилия. Оказалось: направление — прежнее... Как сообщает Анатолийское агентство, министерство юстиции Турции осуществляет большую программу строительства тюрем «современного типа». В 1953 году должна быть закончена постройка 29 тюрем — в Акшехире, Битлисе, Зонгулдаке, Измите, Эльбистане, Эрджише и других местах страны.

Очередной подарок Круппу. Немецкий военный преступник пушечный король Крупп, освобожденный американцами из заключения, получил к рождеству подарок от английских оккупационных властей в Западной Германии. Считая, что герру Круппу тесно в его огромном фамильном дворце — «Вилле Хюгель», расположенном возле Эссена, добрые английские дяди возвратили ему ранее конфискованную фешенебельную виллу «Каролиненгоф» близ Гамбурга.

Специально для расистов. «Эти сигареты изготовлены без всякого участия негритянской рабочей силы. Поэтому цивилизованные люди могут курить их, не испытывая отвращения». Так, по словам испанского журнала «Мундо», табачные фабриканты Южно-Африканского Союза (трест Реддингедааконд) рекламируют выпущенный ими новый сорт сигарет. Реклама вполне в духе г. Малана, фашистского премьер-министра этой страны.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б01201.